

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕРТЁЖ

Мадина Вестчестер

18+

Магина Вестчестер

Последний чертёж

<https://litres.ru/72020434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что ты сделаешь, если человек, сломавший твою жизнь, попросит тебя о последней услуге? Аврора, успешный архитектор, получает письмо от умирающего отца, которого никогда не знала. Он просит её спроектировать его последний дом. Этот проект откроет двери в мир тайн, заставит Аврору взглянуть в лицо своим самым страшным страхам и ответить на вопрос: сможет ли она простить человека, лишившего её детства, и обрести долгожданный покой?

“Последний чертёж” – это пронзительная история о боли, прощении и надежде. О том, как даже сквозь самые тёмные моменты жизни можно найти путь к свету, как сквозь трещины в бетоне пробивается росток надежды, и как любовь и сострадание способны растопить даже самое ледяное сердце. Это книга, которая заставит вас плакать, смеяться, и верить в то, что даже после самых тяжёлых испытаний можно построить новую жизнь, наполненную смыслом и любовью.

Содержание

Предисловие автора	4
Введение	6
Часть первая За закрытыми дверями	12
Глава 1 Шрамы и чертежи	12
Глава 2 Тени в Синем Закате	28
Глава 3 Дом, который я построю	39
Глава 4 Перекрёсток	55
Глава 5 Дома из мечты	62
Глава 6 Семейные реликвии	76
Глава 7 Сделка с тенью	87
Глава 8 Дрожащий трамвай	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Магина Федосова

Последний чертёж

Предисловие автора

В этой книге вы не найдёте простых ответов и лёгких решений. Здесь нет идеальных героев и однозначно плохих злодеев. Здесь есть жизнь – такая, какая она есть, – с её болью, радостью, потерями и обретениями.

“Последний чертёж” родился из моего собственного опыта преодоления. Я знаю, что такое жить в тени прошлого, бороться с голосами прошлого и искать свет в конце туннеля. Я знаю, как это – ощущать вину за то, в чем ты не виноват, и как сложно простить тех, кто причинил тебе боль.

Аврора Перейра – не моя копия, но в ней есть часть меня. Её шрамы – это и мои шрамы. Её страхи – это и мои страхи. Её надежды – это и мои надежды.

Я не хочу учить вас жизни. Я просто хочу поделиться с вами историей девушки, которая смогла найти в себе силы не сломаться под гнётом обстоятельств и построить свою жизнь заново.

“Последний чертёж” – это история о том, что даже после самой тёмной ночи всегда наступает рассвет. О том, что про-

щение – это не слабость, а сила. О том, что любовь и сострадание могут изменить мир.

Я посвящаю эту книгу всем, кто пережил насилие, кто борется с депрессией, кто ищет смысл жизни. Помните, вы не одиноки.

Спасибо, что выбрали эту книгу. Я надеюсь, она найдёт отклик в вашем сердце.

Пусть эта история согреет вас.

С любовью, Мадина Федосова

Введение

Холодный кафель обжигал босые ноги. Запах сырости и затхлости въелся в лёгкие, вызывая тошноту. Она помнила эту комнату до мельчайших деталей, хотя с тех пор прошло больше двадцати лет. Зелёные обои, когда-то украшенные наивными цветочками, сейчас были оборваны и исписаны грубыми ругательствами. Потрескавшийся потолок с облупившейся краской давил сверху, словно собирался похоронить её заживо.

Каждый раз, закрывая глаза, она видела перед собой эту картину: разбитый стакан, осколки стекла, рассыпавшиеся по полу, словно ледяные звезды. Она помнила, как отчим в приступе ярости швырнул стакан в стену, и как осколки вонзились в её руку, оставляя кровавые порезы. Боль была нестерпимой, но ещё сильнее был страх. Страх перед его гневом, перед его жестокостью, перед тем, что он мог сделать с ней.

Она зажмурилась, пытаясь отогнать навязчивые воспоминания. Но они были неумолимы, словно призраки прошлого, преследующие её повсюду. Она слышала его крики, чувствовала его прикосновения, видела его злобное лицо, искажённое ненавистью.

Аврора вздрогнула и открыла глаза. Она стояла на балконе своей роскошной квартиры в Лиссабоне, вдыхая свежий

морской воздух. Внизу раскинулся город, залитый огнями ночных фонарей. Вдалеке виднелся океан, бескрайний и манящий. Казалось, ничто не могло нарушить её покой и благополучие.

Она оглядела свою квартиру: просторная гостиная с панорамными окнами, дорогая мебель, картины современных художников. Все здесь говорило о её успехе и процветании. Она добилась всего, о чем мечтала в детстве. Ей удалось вырваться из нищеты и насилия, построить карьеру и стать уважаемым архитектором.

Но, несмотря на все свои достижения, она не чувствовала себя счастливой. Прошлое не отпускало её. Оно всегда было рядом, словно тень, следующая за ней по пятам. Оно напоминало ей о том, кто она есть на самом деле, о том, откуда она родом, о том, что она пережила.

В её жизни был Кенан, любящий и заботливый мужчина, готовый на все ради неё. Он принял её такой, какая она есть, со всеми её шрамами и тайнами. Но даже ему она не могла открыть всю правду о своём прошлом. Слишком больно было вспоминать, слишком страшно было делиться своими кошмарами.

У неё были друзья, верные и преданные, готовые поддержать её в любой ситуации. Но она всегда держалась немного отстранённо, опасаясь подпустить кого-то слишком близко. Боялась, что они увидят её настоящую, увидят её слабость, её боль.

Она любила свою работу, она давала ей ощущение свободы и независимости. Она создавала красивые и функциональные здания, которые радовали глаз и приносили пользу людям. Но даже в своей работе она не могла полностью забыть о прошлом. Каждый раз, проектируя новый дом, она вспоминала о той комнате, где провела своё детство, о холодных стенах, о запахе сырости и отчаяния.

В её руке дрожал конверт с неизвестным адресом. Она боялась открыть его, потому что знала: внутри – послание из прошлого, которое перевернёт её жизнь.

Она медленно провела пальцем по шершавой поверхности конверта. На обратной стороне не было ни имени, ни фамилии, только какой-то неизвестный адрес в Порту. Что это могло быть? Кто мог ей писать из этого города?

Внутри что-то болезненно сжалось. Аврора знала, что не сможет избежать этого. Прошлое настигло её, и ей придётся взглянуть ему в лицо.

Она глубоко вдохнула и разорвала конверт. Внутри оказался небольшой листок бумаги, исписанный неизвестным почерком. Она начала читать, и с каждой строчкой её сердце билось все сильнее и сильнее.

«Аврора Перейра, – начиналось письмо, – Я знаю, что ты совсем не ждёшь от меня никаких вестей, и, наверное, проклинаешь тот день, когда я появился на свет. Но я должен был написать тебе, прежде чем навсегда покинуть этот мир. Я знаю, что причинил тебе невыносимую боль, оставил

тебя совсем одну, и я никогда не смогу искупить свою вину. Но я хочу, чтобы ты знала: я всегда помнил о тебе, всегда следил за тобой издали, и всегда, каждую минуту, жалел о том, что произошло, о том, что не смог стать тебе настоящим отцом...»

Аврора замерла, словно её окатили ледяной водой. Она не могла поверить своим глазам, не могла поверить тем словам, которые прочитала. «Что? Отец? – пронеслось у неё в голове. – Какой ещё отец? Это какая-то ужасная ошибка! Этого просто не может быть!».

Но строчки на бумаге продолжали упрямо складываться в слова, обжигая её сознание, словно раскалённое клеймо:

«Я умираю, Аврора, моя дорогая дочь. У меня осталось совсем немного времени, всего несколько недель, может быть, дней. И я хочу попросить тебя об одной последней услуге, об одной маленькой просьбе, которую я надеюсь, ты не сможешь мне отказать, даже несмотря на всю ту боль, которую я тебе причинил. Я хочу, чтобы ты, моя талантливая дочь, спроектировала мой последний дом. Не роскошный особняк, не шикарную виллу, а просто скромное, тихое пристанище, где я смог бы встретить свой конец в покое и умиротворении. Если ты захочешь поговорить со мной, услышать мою историю, узнать, почему я поступил так, а не иначе, почему я не был рядом с тобой все эти годы, позвони мне по этому номеру...»

Аврора, словно поражённая молнией, выронила письмо

из дрожащих рук. Её тело била мелкая дрожь, словно в сильном приступе лихорадки. Слова из письма крутились в голове, как заевшая пластинка: *«Я умираю... последний дом... причинил тебе много боли...»* Она отступила назад, пока не упёрлась спиной в перила балкона, словно ища защиты. Мир вокруг неё вдруг поплыл, краски смешались в хаотичном водовороте, звуки приглушились, словно кто-то выключил звук. Ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание и провалится в чёрную, беспросветную бездну.

Отец. Слово, которое она почти забыла, вычеркнула из своей жизни, словно ненужную вещь. Человек, которого она никогда не видела, не знала, не чувствовала его любви и заботы. Человек, который, как ей казалось, разрушил её жизнь ещё до того, как она началась, бросив её мать одну, на произвол судьбы.

Гнев, годами копившийся в её душе, словно сдерживаемая плотина, вдруг прорвался наружу, сметая всё на своём пути, как лава из извергающегося вулкана. Она, не помня себя, схватила скомканное письмо и с яростью швырнула его в угол комнаты, словно это был сам виновник всех её бед.

– Ненавижу тебя! – прошептала она одними губами, чувствуя, как слезы душат её, не давая дышать. – Ненавижу тебя за то, что ты сделал с моей жизнью! Ненавижу тебя за то, что ты бросил меня! Ненавижу тебя за то, что ты появился сейчас, когда я почти научилась жить без тебя!

Она долго стояла на балконе, глядя на ночной город, пы-

таясь успокоиться. Но гнев и обида не отпускали её. Она чувствовала себя так, словно кто-то снова открыл старую рану, которая почти зажила

Часть первая За закрытыми дверями

Глава 1 Шрамы и чертежи

Синтра дышала прохладой раннего вечера. Аврора стояла на своём балконе, обвитая лёгким хлопковым халатом, и смотрела на город, расстилавшийся внизу. Запах сосен, смешанный с солёным бризом с Атлантики, щекотал нос, но успокоения не приносил. Синтра, с её дворцами, утопающими в зелени, и узкими мощёными улочками, должна была умиротворять, но сегодня она лишь подчёркивала её внутренний разлад.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрашивая небо в причудливую смесь алых, оранжевых и фиолетовых тонов. Этот час она всегда любила больше всего – час между светом и тьмой, когда мир замирает в ожидании чего-то нового. Но сегодня в этом ожидании чувствовалась зловещая нотка.

Аврора поёжилась, хотя вовсе не мёрзла. Она провела пальцами по выступу на левой руке, почти машинально. Шрам. Грубый, неровный, он напоминал ей о прошлом, которое она так отчаянно пыталась забыть. Осколки разбитого

стакана, ярость отчима, страх, пропитавший каждый уголок той тесной квартиры в пригороде Лиссабона.

Она закрыла глаза. Нельзя думать об этом. Не сейчас. Но воспоминания были настойчивыми, словно назойливые мухи, жужжащие над ухом. Она снова видела ту комнату, с ободранными обоями и крошечным окном, за которым виднелся лишь серый двор. Снова чувствовала запах дешёвого табака и пота, исходящий от отчима. Снова слышала его пьяные крики.

С силой открыв глаза, Аврора посмотрела на свои руки. Эти руки создавали красоту, преображали пространство, дарили людям дома. Она была архитектором, одним из лучших в Португалии. Её проекты отличались элегантностью, функциональностью и вниманием к деталям. Она строила светлое будущее для других, но никак не могла построить его для себя.

Взгляд Авроры упал на рулон чертежей, лежавший на столике на балконе. Это был проект, над которым она работала в последнее время – комплекс доступного жилья для малоимущих семей в одном из самых неблагополучных районов Лиссабона. Она вложила в него не только свой талант, но и частичку своей души. Она мечтала создать не просто дешёвые квартиры, а настоящий дом, где люди чувствовали бы себя в безопасности, где у них была бы возможность начать новую жизнь.

Этот проект был для неё больше, чем просто работа. Это

был её способ искупить вину. Вину за то, что ей удалось вырваться из той трясины, а многим другим – нет. Вину за то, что ей повезло, а они остались там, во тьме.

Она взяла один из чертежей и развернула его. На бумаге был изображён фасад одного из домов. Красивый, современный, с большими окнами и балконами, увитыми зеленью. Аврора долго смотрела на этот чертёж, словно пытаясь разглядеть в нем ответ на свой вопрос: сможет ли она когда-нибудь по-настоящему избавиться от своего прошлого? Сможет ли она построить не только дома для других, но и счастливую жизнь для себя?

В этот момент зазвонил телефон. Аврора вздрогнула от неожиданности. Она не хотела ни с кем разговаривать, не хотела, чтобы кто-то нарушил её уединение. Но телефон продолжал настойчиво звонить.

Она посмотрела на экран. Кенан. Её сердце дрогнуло. Она любила его, но боялась подпустить его слишком близко. Она боялась, что он узнает правду о ней и разочаруется.

С неохотой она ответила на звонок.

– Аврора? Ты где? – услышала она его мягкий, бархатистый голос.

– Я дома, – тихо ответила она. – На балконе.

– Ты какая-то странная сегодня, – заметил Кенан. – Все в порядке?

Аврора на мгновение замолчала. Стоит ли ей рассказать ему о своих мрачных мыслях? Стоит ли довериться ему?

– Да, все хорошо, – наконец ответила она. – Просто немного устала.

– Ясно. Слушай, я тут подумал... Может, встретимся сегодня вечером? Поужинаем где-нибудь?

Аврора колебалась. Она хотела побыть одна, разобраться в своих чувствах. Но она также знала, что Кенан – единственный человек, который может её поддержать.

– Хорошо, – сказала она. – Где встретимся?

– Я заеду за тобой через час, – ответил Кенан. – Одевайся красиво.

Аврора повесила трубку и посмотрела на себя в зеркало. Она увидела в нем красивую, успешную женщину, уверенно смотрящую в будущее. Но она также увидела в нем маленькую девочку, испуганную и одинокую, прячущуюся от страшного прошлого.

Она вздохнула и пошла в спальню. Ей нужно было справиться с мыслями и надеть маску беззаботности, чтобы Кенан ничего не заподозрил. Ей нужно было снова стать Аврой Перейрой – успешным архитектором, уверенной в себе женщиной. Но как долго она сможет притворяться?

В спальне царил полумрак, словно старая фотография, выцветшая от времени и воспоминаний. Аврора коснулась выключателя антикварного торшера, привезённого из фамильного поместья её бабушки. Комната наполнилась мягким, янтарным светом, отбрасывающим причудливые тени на стены. Свет, как и она сама, старался скрыть то, что луч-

ше бы оставалось в темноте.

Она подошла к гардеробной, больше напоминавшей музей высокой моды, и принялась перебирать свои наряды. Платья от Dior, блузки от Yves Saint Laurent, юбки от Chanel – каждый предмет одежды был тщательно отобран и безупречно сидел по фигуре. Она всегда следила за своим внешним видом с маниакальным вниманием. Это был её личный “дзен” – один из немногих способов контролировать ускользающую реальность, создавать хрупкую иллюзию порядка в том хаосе, который бушевал внутри неё, как лиссабонский трамвай в час пик.

Она остановила свой выбор на маленьком чёрном платье из струящегося шелка. Простота кроя обманчива: идеальная посадка подчёркивала точёную фигуру, над которой Аврора трудилась, словно скульптор, отсекая все лишнее изнурительными тренировками в зале. Надев тончайшие чулки, она залюбовалась игрой света на безупречной гладкости своих ног.

В зеркале её встретило отражение женщины, уверенной в себе, знающей себе цену. Бизнес-леди. Свободного художника. *Femme fatale*. Но она-то знала, что это всего лишь тщательно выстроенная маска, за которой скрывалась маленькая девочка, до смерти перепуганная жизнью. Маска, как в фаду, где за красивой мелодией скрывается глубокая тоска.

Нанося макияж, Аврора орудовала кистями, как профессиональный художник, скрывая следы усталости и тревоги

на своём лице. Лёгкий слой тонального крема La Prairie с эффектом сияния, тушь Diorshow, делающая ресницы похожими на крылья бабочки, помада Chanel Rouge Coco нежного оттенка “Mademoiselle” – и вот она уже выглядит почти безупречно.

Почти... Шрам на левой руке, едва заметный под слоем тона, предательски выдавал правду.

Ее взгляд упал на золотую цепочку с крошечным кулоном в виде капли – точной копии слезы, застывшей во времени. Это был подарок Кенана на годовщину их знакомства. Кулон был сделан вручную в мастерской потомственных ювелиров в Бахрейне – Кенан всегда умел удивлять. Аврора взяла цепочку в руки и почувствовала тепло металла, словно прикосновение любимого человека. Кенан... Он был добрым, заботливым, любящим. Он видел в ней то, чего она сама в себе не видела: силу, красоту, потенциал. Он любил её не за маску, а за то, что скрывалось под ней. Или ей так хотелось верить?

Но страх сковывал её, как цепи. Она боялась, что он узнает правду о её прошлом и перестанет её любить. Боялась, что он увидит её настоящую – сломленную, израненную, неспособную на настоящую близость. Боялась, что он разглядит в ней ту маленькую девочку, которую отчим запирали в тёмной комнате.

Она надела цепочку, и кулон коснулся её кожи, словно нежное прикосновение. Золото блестело на её шее, как маяк,

напоминая ей о любви, которую она так отчаянно хотела, но боялась принять.

В этот момент раздался звонок в дверь, резкий и требовательный, как выстрел. Аврора вздрогнула, словно её застали врасплох. Кенан приехал раньше, чем она ожидала. Она глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в руках, и пошла открывать дверь. “Будь что будет”, – прошептала она, как молитву.

На пороге стоял Кенан, словно сошедший со страниц журнала GQ. Высокий, статный, с чёрными как смоль волосами и пронзительными карими глазами, в которых отражались звезды. Он выглядел невероятно элегантно в своём безупречном костюме от Brioni и белоснежной рубашке с запонками из оникса. От него исходил лёгкий аромат Terre d’Hermès – запах уверенности и успеха.

Увидев Аврору, он окинул её оценивающим взглядом, и в его глазах вспыхнул огонь восхищения.

– Ты выглядишь потрясающе, – прошептал он, протягивая ей руку. Его голос был низким и бархатным, с едва уловимым восточным акцентом.

Аврора взяла его за руку, и тепло его ладони обожгло её кожу. Она улыбнулась в ответ, стараясь скрыть тревогу.

– Ты тоже, – сказала она, чувствуя, как её сердце начинает биться быстрее.

Кенан притянул её к себе и нежно поцеловал, словно пробуя на вкус. Аврора ответила на его поцелуй, но в её сердце

оставалась ледяная стена страха. Она знала, что не сможет долго скрывать правду о себе. Рано или поздно она должна будет рассказать Кенану о своём прошлом. Но она боялась этого момента больше всего на свете.

Они вышли из квартиры и направились к лифту, словно актёры, играющие свои роли на сцене. Всю дорогу Аврора молчала, погруженная в свои мысли. Кенан это заметил.

– Что-то случилось, любовь моя? – спросил он, глядя на неё с беспокойством. Его брови сошлись на переносице, образуя маленькую морщинку.

Аврора покачала головой, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Все в порядке, – ответила она, стараясь придать своему голосу уверенность. – Просто немного устала.

Кенан не поверил ей, но решил не настаивать. Он знал, что Аврора не любит делиться своими проблемами. Он знал, что ей нужно время, чтобы открыться. Он умел ждать – качество, которое ценил в себе больше всего.

Они вышли из лифта и направились к чёрному Maybach, который ждал их у подъезда. Водитель в униформе почтительно открыл перед Авророй дверь, и Кенан помог ей сесть.

– Куда поедем? – спросил он, садясь за руль. Он всегда сам водил, когда они были вдвоём – ему нравилось контролировать ситуацию.

Аврора пожала плечами, стараясь выглядеть беззаботной.

– Не знаю, – ответила она. – Куда захочешь.

Кенан улыбнулся, и его глаза заблестели.

– Тогда я повезу тебя в одно место, которое тебе обязательно понравится, – сказал он, заводя двигатель. – Место, где забываются все печали.

Он вывел машину на ночные улицы Синтры, и они помчались навстречу неизвестности. Аврора смотрела в окно, стараясь не думать о том, что её ждёт впереди. Она знала, что рано или поздно ей придётся рассказать Кенану о своём прошлом. Но она надеялась, что эта ночь станет исключением, и они смогут хотя бы на несколько часов забыть обо всех проблемах.

Чёрный Maybach, словно хищный зверь, скользил по извилистым дорогам Синтры. На фоне вычурных вилл и ухоженных садов, автомобиль казался инородным телом, символом власти и богатства, чуждым богемной атмосфере городка.

Аврора чувствовала, как расслабляется, наблюдая за мелькающими за окном силуэтами сосен и эвкалиптов, источавших терпкий аромат. Ночная прохлада врывается в салон автомобиля, смешиваясь с дорогим ароматом кожи, сандалового дерева и едва уловимыми нотами уда, парфюма Oud Wood от Тома Форда, любимого Кенаном.

Он, заметив её задумчивость, взял её руку и нежно поцеловал кончики пальцев. На его пальцах поблескивал массивный перстень с ониксом, фамильная драгоценность, передававшаяся в его семье из поколения в поколение.

“Не думай ни о чем, любовь моя. Просто наслаждайся моментом”, – прошептал он, не отрывая взгляда от дороги. В свете фар мелькнул шрам на его щеке, едва заметное напоминание о прошлом, о котором он редко говорил.

Аврора кивнула, но слова Кенана не могли полностью рассеять тревогу, поселившуюся в её сердце. Как долго она сможет скрывать свою правду? И что произойдёт, когда он узнает? Она ощущала себя хрустальной вазой в руках богача, прекрасной, но такой хрупкой.

Через полчаса Maybach остановился перед неприметным деревянным забором, казавшимся случайным на фоне дикой природы. Кенан выключил двигатель, и тишина, нарушаемая лишь шёпотом ветра и прибоя, обрушилась на них. Он посмотрел на Аврору с загадочной улыбкой, в которой читалось предвкушение и уверенность в том, что ей понравится сюрприз.

“Мы приехали”, – сказал он, выходя из машины и обходя её, чтобы открыть ей дверь. Его движения были плавными и уверенными, как у хищника, знающего себе цену.

Аврора последовала за ним, оглядываясь по сторонам. Никаких признаков цивилизации, только шум прибоя и шелест листвы. Она чувствовала себя заблудившейся в сказке, где все может быть как прекрасным, так и опасным.

Кенан открыл калитку, скрип которой нарушил тишину, и провёл её по узкой тропинке, усыпанной сосновыми иголками, ведущей к океану. В воздухе витал запах соли и диких

трав.

Внезапно перед ними открылась потрясающая картина: небольшой песчаный пляж, освещённый лишь лунным светом и мерцанием звёзд. Серебряная дорожка луны тянулась по воде, словно приглашая в неизведанное. Вдалеке виднелись огни рыбацких лодок, словно маленькие светлячки, плывущие по ночному морю.

На песке горел костёр, сложенный из коряг, выброшенных океаном. Вокруг костра были расставлены мягкие подушки и берберские ковры, создавая атмосферу уюта и тепла. На небольшом столике стояла бутылка португальского вина Vinho Verde и несколько бокалов.

“Сюрприз!” – воскликнул Кенан, обнимая Аврору за плечи. “Я знал, что тебе здесь понравится”. В его голосе звучала гордость за то, что он смог удивить её.

Аврора была поражена. Она никогда не видела ничего подобного. Она привыкла к роскоши, но эта простота, эта близость к природе тронули её до глубины души. Это место казалось оторванным от реальности, тихим и уединённым уголком рая, где можно забыть обо всех проблемах.

“Это... это невероятно”, – прошептала она, чувствуя, как в её сердце зарождается тепло, отогревая замороженные воспоминания.

Кенан улыбнулся, довольный произведённым эффектом, и повёл её к костру. Там их ждал пожилой португалец с гитарой и бутылкой вина. Его лицо было изрезано морщинами,

словно карта прожитой жизни.

“Добрый вечер, сеньор и сеньора”, – сказал он, приветливо улыбаясь и обнажая несколько оставшихся зубов. “Я рад приветствовать вас в этом уединённом уголке. Меня зовут Жоао”. Его одежда была простой, но чистой, а в глазах светилась доброта.

Кенан что-то сказал ему по-португальски, и Жоао начал играть тихую, мелодичную мелодию Fado, грустную и проникновенную, как сама душа Португалии. Аврора села на подушку, глядя на танцующие языки пламени. Она чувствовала, как напряжение постепенно покидает её тело, словно растворяется в ночном воздухе.

Кенан налил ей вина и сел рядом. Они молча смотрели на огонь, слушая музыку и шум прибоя. Аврора чувствовала себя странно: с одной стороны, она была счастлива быть здесь, с Кенаном, в этом прекрасном месте. С другой стороны, её не покидало ощущение тревоги, словно она ждала чего-то плохого.

“Расскажи мне что-нибудь”, – попросила Аврора, нарушив тишину. “Что-нибудь о себе”. Она хотела узнать его лучше, понять, кто он на самом деле.

Кенан немного помолчал, словно собираясь с мыслями. Он посмотрел на неё долгим, пристальным взглядом, словно пытаясь прочесть её мысли.

“Что ты хочешь знать?” – спросил он.

“Все”, – ответила Аврора. “О твоём детстве, о твоей семье,

О твоих мечтах”.

Аврора сидела, закутавшись в плед, чувствуя, как прохладный ночной бриз приносит с собой солёный запах океана. Костёр потрескивал, отбрасывая причудливые тени на песок. Жоао, местный музыкант, которого Кенан нанял на вечер, тихо перебирал струны гитары, создавая умиротворяющую атмосферу. Кенан, расположившись рядом с ней, потягивал терпкое красное вино, привезённое из долины Дору.

““Моё детство было счастливым,” – начал он, нарушив тишину. – “Я рос в большой и дружной семье в Стамбуле, в районе Бейоглу. Это был невероятно космополитичный район, где смешивались культуры и религии – греки, евреи, армяне, турки жили бок о бок. Мои родители всегда поддерживали меня и верили в мои силы. У нас был дом с небольшим, но уютным садом на берегу Босфора. Представляешь, Аврора, каждое утро я просыпался под крики чаек и гудки паромов, плывущих в Азию.”

Он сделал паузу, словно пытаясь найти нужные слова. “Отец, Мехмет, всегда говорил, что Босфор – это не просто пролив, это душа Стамбула, связь между Европой и Азией, между прошлым и будущим. Он с детства учил меня бизнесу, но не зубрёжке цифр, а умению видеть возможности. Рассказывал о тонкостях торговли специями и коврами, об искусстве заключать сделки на Гранд Базаре.” Он усмехнулся.

“Мама, Айше, учила меня ценить красоту и искусство, водила меня по музеям и рассказывала легенды об османских

султанах.”

Кенан откинулся назад, глядя на звёздное небо. “Отец всегда говорил,” – повторил он, словно вспоминая любимую поговорку. – “Бизнес – это не просто цифры и графики. Это, прежде всего, люди. Понимание их потребностей, умение видеть возможности, которые другие упускают. Он научил меня слушать, а не только говорить. Говорил, что молчание порой ценнее самых красноречивых речей. Он кстати, очень любил цитировать Руми – *«Подними свои слова, а не голос. Это дождь растит цветы, а не гром»*».

А мама... мама учила меня видеть красоту в мелочах. В закате, в цветке, в улыбке незнакомца. Она говорила, что красота спасёт мир, но только если мы научимся её замечать.”

Жоао закончил играть, и в наступившей тишине был слышен только шум прибоя. Кенан сделал глоток вина, и огонь костра отразился в его тёмных глазах.

“Я всегда был амбициозным, – продолжил он, понизив голос. – С детства мечтал создать что-то своё, что-то, что изменит мир к лучшему. Поэтому после университета я уехал из Стамбула. Хотел увидеть мир, набраться опыта, найти свою нишу. Я работал в разных странах, занимался разными проектами. Были взлёты и падения, успехи и неудачи. Но я никогда не сдавался. Знаешь, у нас в Турции есть поговорка – *“Damlaya damlaya göl olur”* – капля за каплей образуется озеро. Я верил в свою мечту, и она привела меня сюда, в Пор-

тугалию.”

“Почему именно Португалия?” – спросила Аврора, и её тон выдавал неподдельный интерес.

Кенан улыбнулся, и в его глазах вспыхнули искорки. “Здесь есть что-то особенное. Какая-то магия, которая притягивает. Может быть, это *saudade*, тоска по чему-то утраченному, что витает в воздухе. Может быть, это люди, такие открытые и гостеприимные. Может быть, это сама атмосфера – смесь старинной истории и современной жизни. Здесь я чувствую себя дома. Здесь я нашёл вдохновение и возможность реализовать свои идеи.” Он замолчал, словно обдумывая свои слова.

“А еще... здесь я встретил тебя.” Он взял её руку в свою и нежно поцеловал её тыльную сторону. “Ты – моя Португалия, Аврора.”

Аврора почувствовала, как её щеки заливаются лёгким румянцем. Она не привыкла к таким откровенным признаниям. Но в его словах звучала искренность, которая тронула её до глубины души. Она посмотрела в его глаза, и увидела в них отражение звёзд и отблески костра. Ей было тепло и уютно рядом с ним, но в то же время, она чувствовала лёгкую тревогу. Она не привыкла доверять людям, и ей было страшно открыться ему полностью.

“Что дальше?” – спросила она тихо, имея в виду его планы на будущее, но вкладывая в этот вопрос и что-то большее.

Кенан посмотрел ей в глаза, словно пытаясь прочитать её

мысли. “Дальше... дальше я хочу построить здесь, в Португалии, свой райский уголок. Хочу создать компанию, которая будет помогать людям реализовывать свои мечты, давать им возможность создавать, а не просто выживать. Хочу построить дом, где мы будем жить вместе и воспитывать детей, говорить с ними и на турецком, и на португальском. Хочу прожить долгую и счастливую жизнь с тобой, Аврора.”

Жоао снова заиграл, на этот раз мелодию фаду, наполненную грустью и тоской. Кенан встал и протянул Авроре руку. “Потанцуем?” – спросил он с тёплой улыбкой.

Аврора колебалась. Она не любила танцевать, особенно на публике. Её шрам на руке начинал ныть от волнения. Но в этот момент ей захотелось забыть обо всем и просто насладиться моментом. Она взяла его за руку, чувствуя тепло его ладони, и они начали танцевать под звёздным небом, под звуки гитары и шум прибора.

В его объятиях она почувствовала себя в безопасности, но знала, что рано или поздно тени прошлого настигнут их обоих

Глава 2 Тени в Синем Закате

Усталость сковала Аврору, словно чугунный корсет. Отбросив карандаш, она откинулась в кресле, позволяя напряжению стечь с плеч. За окном Синтра баюкала себя в колыбели надвигающейся ночи. Багровые мазки заката растекались по небу, словно акварель по мокрой бумаге, отражаясь в стёклах соседних домов. Тени вытягивались, принимая причудливые формы, напоминая когтистые лапы, цепляющиеся за черепичные крыши. В эти часы, когда солнце тонуло в безбрежном Атлантическом океане, воспоминания о прошлом выползали из укромных уголков её памяти, цепляясь за неё с особой, болезненной силой.

Но сегодня она отчаянно сопротивлялась. Сегодняшний день был отмечен тёплым светом, отблеском вчерашнего вечера с Кенаном. Этот вечер стал для неё не просто передышкой, а глотком свежего, пьянящего воздуха, наполнившего её лёгкие после долгого пребывания в затхлом помещении.

Кенан приехал в Синтру, как только смог вырваться из объятий дел, как он часто делал, с щедрой улыбкой и бутылкой изысканного красного вина, которую, словно артефакт, он тщательно выбирал сам, руководствуясь лишь ему известными критериями. Ветер, озорной и непоседливый, играл в её каштановых волосах, трепал полы лёгкого платья, а Кенан, казалось, ловил каждый отблеск заката в её глазах, каждый

мимолётный жест.

Он рассказывал о своих новых бизнес-планах, о головокружительных перспективах расширения компании, о неутолимой жажде создать нечто революционное, что изменит мир. Его глаза горели, когда он говорил о технологиях, о коде, о будущем, которое он, казалось, видел во всех деталях. Аврора слушала, замороженная. Его неукротимая страсть, целеустремлённость и уверенность в своих силах вызывали у неё восхищение и тихую зависть.

В ответ, она, преодолевая внутреннее сопротивление, поделилась с ним своими переживаниями по поводу социального проекта – комплекса доступного жилья для малоимущих семей. Говорила о моральной дилемме, разрывающей её изнутри: как смириться с тем, что, добившись успеха и признания, она не в силах помочь всем нуждающимся, не может искоренить несправедливость и неравенство, которые так болезненно ощущала с самого детства.

Кенан слушал внимательно, не перебивая, впитывая каждое её слово, задавал вдумчивые вопросы, стараясь понять глубину её терзаний. Его поддержка, тактичность и искреннее сочувствие были для неё бесценны, словно бальзам на кровоточащую рану.

Постепенно, словно под влиянием вина и доверительной атмосферы, разговор коснулся её прошлого, её детства. Кенан, не давя и проявляя деликатность, мягко, но настойчиво расспрашивал о происхождении шрама, который украшал её

руку. Она почувствовала, как внутри всё сжимается, как болезненные воспоминания поднимаются со дна души, грозя захлестнуть её. Но, к её собственному удивлению, она смогла рассказать ему немного больше, чем обычно.

Аврора вздохнула, и воспоминания захлестнули её с новой силой. Она словно снова оказалась в той квартире, где провела детство. И в ушах её зазвучал собственный, детский голос, который она словно услышала заново:

“Мама... почему здесь так холодно? Не от сквозняка, а... внутри. Почему у нас всегда так неуютно? Как будто здесь никто не живет, а просто переночевал... А когда ты уберёшься? Ты же обещала, что сделаешь хоть что-нибудь, чтобы не было так... пусто. Но ты просто смотрела телевизор. Ты даже не смотрела на меня...”

Она замолчала, словно испугавшись собственных слов. Сглотнула комок, подступивший к горлу, и продолжила, уже тише, почти шёпотом:

“А потом я поняла... что это не дом. Это просто место, где мы спим. И едим, когда есть что. А настоящего дома у меня никогда не было. И не будет.”

Она провела рукой по щеке, стирая невидимую слезу. Слова, вырвавшиеся из глубин памяти, причинили ей физическую боль. Она помнила, как часто повторяла эти слова в детстве, пытаясь достучаться до матери, но та оставалась равнодушной к её страданиям.

Она заметила, как нахмурились его густые, темные брови,

как сочувствие и неподдельная боль отразились в его глубоких, карих глазах. Он осторожно, словно боясь причинить ей боль, коснулся её щрама своими тёплыми, сильными пальцами. Его прикосновение было нежным и успокаивающим. «Это часть тебя, Аврора», – прошептал он, глядя ей прямо в глаза, – «Но ты не должна позволять этому прошлому определять твоё настоящее и тем более – диктовать твоё будущее».

Они проговорили до поздней ночи, смеясь над забавными историями, шутили, пили вино, наслаждаясь обществом друг друга.

“...И тут, представляешь, этот наглый голубь украл у меня круассан прямо из рук! Я даже опомниться не успела!” – смеясь, рассказывала Аврора.

“Да ладно! Прямо из рук?” – удивлённо переспросил Кенан, с улыбкой глядя на неё.

“Клянусь! Я стояла в очереди в кафе, предвкушала свой утренний круассан, а тут этот пернатый бандит подлетает, выхватывает его и улетает восвояси! Я чуть не расплакалась от обиды и досады”, – продолжала Аврора, изображая руками, как голубь вырвал круассан.

Кенан, с усмешкой добавил: “Может, это был голубь-гурман? У него просто был изысканный вкус”.

“Скорее, голубь-клептоман! Ему бы только воровать”, – парировала Аврора.

“А помнишь, как мы пытались приготовить паэлью на

пикнике?” – вдруг вспомнила Кенан.

“О, это было незабываемо!” – воскликнула Аврора, закатывая глаза.

“Мы решили, что мы крутые повара и сможем приготовить паэлью на костре. В итоге, рис подгорел, морепродукты оказались переваренными, а специи мы перепутали”, – смеясь, рассказывал Кенан.

“Зато какой был дым! Нас, наверное, за километр было видно”, – добавила Аврора.

“А самое ужасное, что мы забыли воду! Пришлось просить у каких-то туристов”, – закончил историю Кенан.

“И после этого мы решили, что лучше будем покупать еду в ресторане”, – подытожила Аврора

Они снова засмеялись, вспоминая этот неудачный пикник. Вино лилось рекой, а разговоры становились все более откровенными и душевными.

Кенан был рядом, как всегда, готовый выслушать, поддержать, обнять. И это давало ей ощущение силы, уверенности в себе, столь необходимое ей в моменты душевной слабости. Он был её якорем, надёжно удерживающим её в реальности, не позволяющим уйти в пучину болезненных воспоминаний.

Сегодня, после тяжёлого и напряжённого рабочего дня, воспоминания об этом вечере согревали её душу, словно луч солнца в ненастный день. Она отчётливо помнила тепло его рук, его заботливый взгляд, его ободряющие слова. Она знала, чувствовала всем сердцем, что Кенан всегда будет рядом,

готовый прийти на помощь, поддержать в трудную минуту. И это знание придавало ей сил, вселяло надежду на лучшее.

Аврора, собравшись с мыслями, решительно взяла в руки карандаш и развернула чистый лист бумаги. Перед ней стояла задача разработать концепцию нового, сложного, но безумно интересного проекта. И она знала, что справится.

В её голове зародился образ. Сквозь тени синего заката начали проступать контуры будущего шедевра.

Вдохновение, как робкий оленёнок, неслышно ступая, выглянуло из-за горизонта. Аврора, обычно практичная и собранная, сейчас чувствовала себя скорее медиумом, чем архитектором.

В руке, словно волшебная палочка, засверкала гранёным графитом знакомая “Koh-i-Noor” – карандаш, с которым она не расставалась со времён архитектурного колледжа, переживший с ней бессонные ночи и десятки сорванных дедлайнов. Именно он должен был воплотить в реальность её самые сокровенные мечты.

На листе белоснежной ватманской бумаги, словно призрак из тумана, начали проступать первые линии – контуры дома, дома, который станет не просто типовым жильём, а манифестом, гимном надежде, местом, где израненные души найдут исцеление.

Она закрыла глаза, и в воображении вспыхнули картины, словно кадры из фильма, снятого самой жизнью: просторные комнаты, залитые мягким светом, льющим через па-

нормальные окна. Не просто окна, а порталы в другой мир – мир, где нет места страху и одиночеству, мир, где природа ласкает взгляд и дарит умиротворение.

Она видела, как солнечные лучи играют на стенах, окрашенных в тёплые, землистые тона, напоминающие о родной Португалии, о её скалистых берегах и цветущих долинах. В каждом доме – небольшой зимний сад, отсылка к знаменитым “висячим садам” Семирамиды, только вместо экзотических растений – неприхотливые травы и цветы, доступные каждому.

Уютная кухня, где пахнет свежей выпечкой и крепким кофе, где за большим деревянным столом собирается вся семья, делясь новостями и мечтами. Гостиная с камином, облицованным местным камнем, – не просто для тепла, а как символ домашнего очага, как отсылка к древним ритуалам, когда огонь был центром жизни и общения.

Но это был не просто красивый, архитектурно выверенный проект. Это был этичный проект, построенный на принципах доступности, экологичности и безопасности, своеобразный ответ на вызов времени.

Она использовала переработанную древесину, местный камень и энергосберегающие стеклопакеты. В проекте была предусмотрена система сбора дождевой воды для полива сада и солнечные панели на крыше, чтобы снизить зависимость от традиционных источников энергии. Дома были спроектированы с учётом потребностей людей с ограниченными воз-

возможностями, с широкими дверными проёмами, пандусами и специальными лифтами.

Она рисовала не просто отдельные дома, а целое сообщество, своеобразный “кибуц” XXI века. В её воображении детская площадка с качелями и горками оживала звонким смехом детей, забывших о своих бедах и проблемах. Общий сад, где жители вместе выращивали овощи и фрукты, обменивались опытом и помогали друг другу. Мастерские, где они могли заниматься творчеством и ремёслами, находить новые таланты и зарабатывать на жизнь. В центре – общественный центр с библиотекой, кинозалом и небольшим спортзалом, место, где люди могли общаться, учиться и развиваться.

Она мечтала о том, чтобы этот проект стал манифестом новой архитектуры – архитектуры, которая служит людям, а не наоборот, архитектуры, которая создаёт не просто здания, а комфортную и гармоничную среду обитания. Чтобы он вдохновил других архитекторов на создание доступного и качественного жилья для всех нуждающихся, чтобы он стал символом надежды и веры в лучшее будущее.

Но тут, словно удар молнии, в сознании вспыхнуло другое – отцовское лицо, размытое, словно старая фотография, почти стёртое безжалостным временем, но от этого не менее болезненное. В памяти всплыл случай из детства, когда она нашла старую фотографию отца, спрятанную между страницами толстой кулинарной книги. На снимке был молодой мужчина с тёмными волосами и лучистыми глазами,

улыбавшийся прямо в камеру. Аврора, которой тогда было лет семь, не могла оторвать взгляд от фотографии. Ей казалось, что она впервые видит своего отца.

Сжимая фотокарточку в маленькой ладошке, она побежала к матери. Елена стирала белье во дворе, её лицо было красным от усталости и злости.

“Мама, это кто?” – робко спросила Аврора, протягивая фотографию.

Елена выхватила снимок из её рук. Взгляд её потемнел, лицо исказилось гримасой ярости.

“Где ты это взяла?” – прошипела она, сжимая фотографию в кулаке.

Аврора испуганно отступила назад. “Я... Я нашла её в книжке...”

Елена не ответила. Она рванула фотографию на мелкие кусочки, швырнув их в пыль.

“Никогда! Слышишь? Никогда больше не спрашивай меня о нем!” – закричала она, её голос дрожал от гнева. “Он умер для нас! Он предал нас! Забудь о нем! Он не существует!”

Аврора заплакала, испуганная яростью матери. Она не понимала, что такого страшного сделал этот человек на фотографии, что даже упоминание о нем вызывало такую бурю эмоций.

С тех пор имя отца стало табу в их доме. Елена сделала все, чтобы стереть его из памяти Авроры. Она убрала все его

вещи, уничтожила все фотографии и запретила даже вспоминать о нем.

Аврора отбросила карандаш, словно он обжѐг ей руку. Вдохновение тут же, словно испуганная птица, сорвалось с места и улетело в неизвестном направлении.

Она попыталась успокоиться, сделать глубокий вдох, но гнев только усиливался, превращаясь в неуправляемую ярость. Она чувствовала, что её захлёстывает волна ненависти и презрения, что она тонет в океане боли и отчаяния. Она не хотела ничего знать о нем, не хотела его видеть, не хотела его прощать. Ей было достаточно того, что он когда-то существовал, чтобы помнить о горечи предательства.

Он умер для неё много лет назад, ещё тогда, когда она впервые осознала, что у неё нет отца. И пусть так и остаётся. Она не даст ему шанса воскреснуть в её памяти, не позволит ему разрушить её жизнь снова.

В дверь постучали, тихо, но настойчиво. Аврора вздрогнула, словно от выстрела, её мысли в беспорядке рассыпались, словно осколки разбитого зеркала. Сердце бешено колотилось в груди, словно пойманная в клетку птица.

– Аврора, это я, – услышала она мягкий, успокаивающий голос Кенана, словно бальзам на израненную душу. – Могу я войти? Ты сегодня какая-то не такая...

Аврора посмотрела на дверь, словно на спасительный круг. Кенан – её опора, её поддержка, тот человек, который видит её настоящую, даже когда она сама пытается спрятать-

ся за маской безразличия. Может быть, с ним она сможет справиться с этим кошмаром, может быть, он поможет ей найти ответ на вопрос, который мучает её уже много лет. Но что, если он узнает правду о её прошлом? Что, если он увидит ту маленькую, испуганную девочку, которой она когда-то была? Сможет ли он принять её такой, какая она есть?

Сглотнув ком в горле, она прошептала:

– Войди

Глава 3 Дом, который я построю

Солнце Лиссабона, словно щедрый художник, уже раскрасило небо в палитру золота и апельсина, когда Аврора, чуть прищутив глаза, припарковала свой элегантный, но скромный Fiat 500 у ограды строительной площадки. Её проект, воплощение мечты о доступном жилье, должен был стать не просто строением, а символом надежды, глотком свежего воздуха для тех, кому так не хватало места под солнцем.

Она вышла из машины, вдохнула воздух, настоящий на пыли стройки, запахе свежего бетона и едва уловимой ноте металла, как запах ещё не рождённой мечты. Этот запах... Ей нравился этот хаос, этот творческий беспорядок. Он напоминал о процессе создания чего-то нового, чего-то значимого.

Аврора прошла мимо рядов контейнеров с инструментами и направилась к временке – небольшому, но уютному офису, где её уже ждали “герои” стройки.

Внутри стояла жара, смешанная с гулом работающих инструментов и вечным звуком телефонных звонков. У стола, заваленного чертежами и чашками от выпитого кофе, царил свой микроклимат – смесь трудового энтузиазма, португальской неспешности и фирменного сарказма Карлоса.

За столом расположилась тройца: Жоао, бригадир, чьё лицо, будто старая карта, было испещрено морщинами от солн-

да и ветра, свидетельствующими о его опыте и безмолвной мудрости. Мигель, молодой инженер, с горящими глазами и энергией вулкана, готовый разрушить горы (или хотя бы построить пару этажей). И Карлос – опытный строитель, чьи шутки были острыми, как лезвия строительных ножей, и всегда попадали в цель.

“Вom dia, Аврора! Опаздываешь, а значит, скоро будет обед!” – поприветствовал Жоао, тяжело поднимаясь из-за стола, его руки, как будто вылеплены из самого бетона, выдавали его профессию.

“Вom dia, Жоао,” – ответила Аврора, пожимая его сильную руку.

“Что там у нас? Все идет по плану, как часы... старинные?” – спросила Аврора, бросая взгляд на чертежи.

“Почти, дорогая,” – усмехнулся Карлос, его глаза лукаво блеснули. – “Если не учитывать, что вчерашний потоп превратил стройплощадку в копию венецианской лагуны, а у Мигеля кончился кофе. Непорядок, понимаешь ли.”

Мигель моментально вскинулся: “Это не смешно, Карлос! Без кофе я как... как этот самый... неопытный строитель без чертежей!”

“Ну извини, мой юный падаван,” – пожал плечами Карлос, играя бровями. – “Я думал, для инженера главное – это знание законов физики, а не зависимость от бодрящей жидкости. Но, видимо, я отстал от жизни.”

Аврора, пытаясь скрыть улыбку, бросила взгляд на Ми-

геля. Она знала, что под сарказмом Карлоса скрывается не только профессионализм, но и добрая душа.

“Ладно, давайте по делу,” – Аврора села за стол, откинув длинные каштановые волосы с лица. – “Жоао, как продвигается фундамент? Не утонул ли он окончательно?”

“Фундамент почти готов, синьорина,” – ответил Жоао, его голос, как будто отшлифованный ветром и временем. – “Завтра начнём заливку. Если, конечно, Бог не решит повторить вчерашний потоп.”

“Отлично,” – сказала Аврора. – “Мигель, как там с электропроводкой? Не хватает искры?”

“Небольшие задержки,” – ответил Мигель, его лицо слегка побледнело. – “Поставка кабеля задержалась, как будто поставщик решил прокатиться по морю, вместо того, чтобы работать. Заказал новый, но...”

“Но, видимо, и он предпочитает отдыхать на пляже,” – подхватил Карлос, не упуская возможности. – “Или пытается изобрести способ передавать электричество без кабелей, как Никола Тесла.”

Мигель бросил на Карлоса умоляющий взгляд.

Аврора вздохнула, но улыбка снова коснулась её губ. “Попробуйте решить вопрос побыстрее, Мигель. Нам нужно держаться сроков. Если, конечно, стройка не решит превратиться в Атлантиду.”

“Я делаю все, что в моих силах,” – ответил Мигель. – “Но я же не Гарри Поттер, чтобы взмахнуть палочкой и все ис-

править!”

“Нет, Мигель,” – снова вмешался Карлос, его глаза заискрились. – “Ты просто инженер, который без кофе... Как Бетмен без Бэтмобиля!”

Мигель едва удержался от того, чтобы не закатить глаза к потолку.

Аврора снова вздохнула, но в этот раз уже от смеха. “Карлос, пожалуйста, будь немного серьёзнее. Твоё чувство юмора не всегда уместно.”

“Возможно,” – ответил Карлос, разводя руками. – “Но зато я всегда поднимаю вам настроение, особенно когда приходится решать проблемы с канализацией. Вот где настоящий цирк, а не стройка!”

Аврора закатила глаза. – “Давайте лучше обсудим проблемы с канализацией. Там, говорят, тоже есть что-то “интересное”.

Карлос ухмыльнулся. – “Вот это дело! Там, возможно, понадобится не только кофе, но и парочка сильных бразильских танцоров, чтобы справиться с этими трубами!”

“Ох, Карлос, – вздохнула Аврора, потирая виски, словно пытаясь выжать из них каплю успокоения, – если бы юмор решал проблемы с засорами в поставках, я бы давно выдала тебе не просто премию ‘Лучший сантехник года’, а спонсировала бы тур по Европе для тебя и твоих анекдотов! Но, к сожалению, в реальности все гораздо прозаичнее.” Она усмехнулась, вспомнив, как однажды Карлос пытался уговорить

забарахлившую бетономешалку анекдотом про тещу.

Карлос, словно пуленепробиваемый от уныния, подмигнул ей своим фирменным, чуть лукавым взглядом. “Ну, значит, пришло время для моего второго таланта – убеждения, граничащего с шантажом! Я поговорю с поставщиками. Может, чашка настоящего португальского кофе и пара правильно подобранных анекдотов, как думаешь, про блондинок подойдут? – помогут им внезапно вспомнить о нашем срочном заказе, а то вдруг память отшибло?”

“Карлос, если ты хоть слово скажешь про блондинок, я лично заставлю тебя красить весь этот комплекс в розовый цвет,” – пригрозила Аврора, но в её голосе слышалось скорее умиление, чем злость. – “Лучше пообещай им бесплатную консультацию по ремонту их вечно текущих кранов. Это будет куда действеннее. И, ради всего святого, никаких анекдотов про политиков!”

Она перевела взгляд на огромные чертежи, расстеленные на столе, пытаясь сосредоточиться на архитектурных деталях, но шум и суeta стройки, этот симфонический оркестр молотков, дрелей и криков рабочих, постоянно отвлекали.

“Жоао, что там с рабочими? Все на месте? Никто не сбежал на футбол?” – спросила Аврора, чувствуя, как начинает нарастать усталость. Перфекционизм и гиперответственность были её проклятием и благословением одновременно.

Жоао, пожилой бригадир с лицом, изрезанным морщинами, словно картой прожитых лет, ответил с лёгкой улыбкой,

в которой читалось уважение и отеческая забота. “Да, синьорина. Все работают, как пчёлки в улье. Даже удивительно. Некоторые даже поют.”

“Поют? Что поют?” – удивилась Аврора, приподняв бровь.

Жоао пожал плечами. “Фаду,” – ответил он с видом знатока. – “Что же ещё? Это же Португалия, синьорина. Даже бетон не устоит перед чарами фаду.”

Аврора улыбнулась. Фаду – традиционная португальская музыка, полная тоски и страсти, эта квинтэссенция *saudade*, португальской тоски по несбыточному. Казалось, даже строители, испачканные цементом и потом, занятые тяжёлой работой, не могли устоять перед её меланхолическими чарами. Она вспомнила слова Амалии Родригеш, королевы фаду: *“Фаду – это когда душа поёт, даже если ей больно.”*

Внезапно в дверь времянки, игравшей роль временного офиса, постучали. Вошёл высокий мужчина в рабочей одежде, с поношенной каской в руках. На его лице было выражение беспокойства, словно он принёс дурные вести.

“Синьорина Перейра?” – спросил он, слегка заикаясь.

“Да, это я. Что-то случилось, Антонио?” – насторожилась Аврора, почувствовав неприятное предчувствие.

Антонио переступил с ноги на ногу, словно не зная, как начать. “Произошёл небольшой инцидент,” – выдавил он наконец. – “Во время работы с арматурой один из наших ребят немного поранился. Не сильно, но...”

Сердце Авроры ёкнуло, пропустив удар. Безопасность на стройке всегда была для неё абсолютным приоритетом, пунктиком, которым она замучила всех подряд. Она знала, что одна ошибка может стоить человеку здоровья или даже жизни. В её голове промелькнули кадры из новостей о несчастных случаях на стройках, и она почувствовала, как её охватывает липкий страх.

“Где он? Как сильно он ранен? Кто это?” – быстро спросила она, вскакивая из-за стола, словно её подбросило пружиной.

“Он в медпункте, синьорина. Рана не глубокая, вроде бы просто царапина, но нужно обработать, продезинфицировать, все как полагается,” – ответил Антонио, немного успокоившись, увидев её реакцию. – “Это Жуан, новенький.”

“Пойдёмте,” – сказала Аврора, направляясь к выходу. Она чувствовала ответственность за каждого человека на этой стройке, особенно за новичков.

Мигель, её заместитель и правая рука, тут же поднялся. “Я с тобой, Аврора.”

“И я,” – добавил Карлос. – “Кто-то же должен рассказать пострадавшему анекдот про больницу, чтобы поднять настроение. У меня их целая коллекция!”

Аврора бросила на Карлоса укоризненный взгляд, но промолчала. Сейчас действительно было не время для его неуместных шуток.

Они вышли из времянки и направились к медпункту, ко-

торый располагался в другом конце строительной площадки, недалеко от склада с инструментами. Аврора шла быстро, почти бежала, стараясь отогнать дурные мысли. Она знала, что на любой стройке всегда есть риск несчастных случаев, но она делала все возможное, чтобы их предотвратить, проводила инструктажи по технике безопасности, закупала качественное оборудование и требовала от всех соблюдения правил.

По дороге она увидела Кенана, своего парня, который шёл к ней навстречу с лицом, выразившим явное беспокойство. Увидев её, он ускорился. Кенан, как настоящий восточный мужчина, всегда волновался за неё и её безопасность, хотя и старался не давить на неё своей гиперопекой.

“Аврора, любимая, что случилось? Мне позвонили из офиса и сказали, что произошёл какой-то инцидент,” – спросил Кенан, подойдя к ней и нежно обхватив её лицо ладонями.

“Да, Кенан, все в порядке, – ответила Аврора, стараясь успокоить его. – Один из рабочих немного поранился. Мы идём в медпункт, чтобы посмотреть, что там.”

Кенан нахмурился. “Я пойду с вами. Безопасность – это самое главное.” Он взял её за руку, крепко сжав её пальцы.

Вместе они направились к медпункту, каждый из них переживая за пострадавшего рабочего и надеясь, что рана окажется несерьёзной и все обойдётся. Аврора чувствовала поддержку Кенана, его сильное плечо рядом с ней. В такие мо-

менты она особенно ценила его присутствие в своей жизни, его умение быть рядом, когда это необходимо, не задавая лишних вопросов и не требуя объяснений.

Когда они подошли к медпункту, Аврора заметила небольшую толпу рабочих, собравшихся у входа. Их грубые, испачканные цементом комбинезоны контрастировали с тревогой, застывшей на лицах.

Они что-то оживлённо обсуждали – похоже, спорили – но, увидев её, замолчали и расступились, пропуская вперёд. Эта тишина, внезапно наступившая после гомона, говорила о многом. Аврора знала – рабочие боятся несчастных случаев на стройке. Особенно на таких крупных проектах, где спешка и сложные конструкции создают повышенный риск.

Аврора вошла в небольшую комнату, обставленную скромно, но безукоризненно чисто. Белёные стены, запах йода и свежих бинтов – обычный набор любого медпункта.

В центре стояла выдавшая виды кушетка с потрескавшимся кожаным покрытием, на которой сидел молодой парень с перебинтованной рукой. Лицо у него было бледным, как полотно, но в глазах читалось облегчение – кажется, худшее позади.

Рядом с ним стояла медсестра, Дора, с её неизменной доброй улыбкой и успокаивающим тоном, который всегда действовал на рабочих, как бальзам на раны. Дора была настоящим ангелом-хранителем этой стройки, и Аврора ценила её профессионализм и человечность.

“Жуан?” – спросила Аврора, подходя к парню. Она старалась говорить мягко, чтобы не напугать его ещё больше.

Жуан поднял на неё взгляд. “Синьорина Перейра...” – пробормотал он смущённо, словно его вина в произошедшем была больше, чем просто случайность. Аврора знала этот взгляд. Страх потерять работу из-за травмы был, пожалуй, сильнее самой боли.

“Как ты себя чувствуешь? Что случилось?” – Аврора присела рядом с ним на кушетку, стараясь не касаться его, чтобы не причинить боль. Она заметила, как он поморщился, когда попытался немного пошевелить рукой.

“Да все в порядке, синьорина. Просто немного порезался. Не заметил торчащий кусок арматуры,” – Жуан попытался улыбнуться, но у него это плохо получилось. Уголок его губ дёрнулся в нервном тике.

Аврора внимательно осмотрела его руку. Бинт был аккуратно наложен Дорой, но на нем виднелось небольшое, зловещее пятнышко крови. Она знала, что арматура – настоящий бич любой стройки. Эти куски металла, торчащие из бетона, как зубы хищника, таят в себе огромную опасность.

“Медсестра сказала, что рана не глубокая, но все равно нужно сделать прививку от столбняка,” – добавил Жуан.

“Конечно, это обязательно,” – кивнула Аврора. Она обратилась к медсестре: “Дора, как вы считаете, ему нужно ехать в больницу? Может быть, стоит сделать рентген, чтобы исключить повреждение кости?”

Дора покачала головой. “Нет, синьорина, необходимости нет. Рана действительно не серьёзная. Я промыла её антисептиком, обработала перекисью водорода и наложила повязку с антибиотиком. Ему просто нужно отдохнуть сегодня и следить за состоянием раны.”

Аврора повернулась к Жуану. “Жуан, сегодня ты свободен. Иди домой и отдохни. Завтра можешь не приходить, пока рука не заживёт.” Она знала, что ему нужны деньги, но здоровье важнее.

“Но, синьорина, я не хочу...” – Жуан попытался возразить. Он боялся, что его сочтут слабаком и заменят другим.

“Никаких “но”, Жуан. Твоё здоровье важнее всего. Мы заплатим тебе за этот день, как за рабочий,” – твердо сказала Аврора. В таких ситуациях нужно быть твёрдой, но справедливой.

Жуан опустил голову. “Спасибо, синьорина.”

Аврора улыбнулась ему. “Выздоровливай, Жуан. И будь осторожнее в следующий раз.” Она повернулась к медсестре: “Спасибо, Дора, за вашу помощь.”

Они вышли из медпункта. Кенан молча обнял Аврору за плечи, выражая свою поддержку. Она почувствовала его тепло и заботу, и ей стало немного легче.

“Все в порядке?” – спросил он, глядя ей прямо в глаза. Он умел видеть её насквозь.

“Да, все хорошо. Просто немного испугалась,” – ответила Аврора, прислонившись к нему.

“Я понимаю. Безопасность на стройке – это очень важно.”

“Да, это мой самый большой страх,” – призналась Аврора.

Она вспомнила своё детство, когда её мать работала на фабрике и часто возвращалась домой с синяками и ссадинами. Она знала, как легко можно получить травму на производстве, и как тяжело потом восстанавливаться.

Они немного постояли молча, наслаждаясь тишиной и близостью друг друга. Затем Аврора отстранилась от Кенана и посмотрела на него с благодарностью.

“Спасибо, что ты рядом,” – сказала она.

“Я всегда буду рядом, любимая,” – ответил Кенан, нежно поцеловав её в лоб.

Пока они возвращались ко временному офису, Аврора думала о Жуане и о том, как легко можно потерять все в один миг. Она понимала, что должна сделать все возможное, чтобы обеспечить безопасность на стройке и защитить своих рабочих. Она вспомнила фразу известного архитектора: *“Архитектура – это не только красота, но и ответственность.”*

Когда они вошли в офис – просторное помещение с панорамными окнами, выходящими на холмы Синтры – Аврора сразу же направилась к своему столу. Она не любила откладывать дела на потом, особенно когда дело касалось безопасности людей. Офис был обставлен в минималистичном стиле: светлые стены, деревянная мебель, несколько чертежей и макетов на полках. На стенах висели фотографии реализованных проектов Авроры: элегантные виллы, современ-

ные офисные здания и, конечно, несколько социальных проектов, которыми она особенно гордилась.

Аврора опустила в эргономичное кресло, которое, несмотря на свою дороговизну, казалось ей недостаточно удобным. Она всегда чувствовала напряжение в спине после нескольких часов работы за компьютером.

На столе царил организованный хаос: стопки документов, чертежи, образцы материалов, каталоги поставщиков, блокнот с эскизами и заметками. Аврора всегда говорила, что порядок на столе – это признак пустого ума.

Она запустила свой ноутбук, дождалась, пока он загрузится, и открыла папку с документами по проекту социального жилья. Сегодня она планировала ещё раз проверить все инструкции и правила техники безопасности. Аврора знала, что на стройках, особенно при возведении социального жилья, где часто используются менее дорогие материалы и привлекаются рабочие с небольшим опытом, риск несчастных случаев возрастает.

Она углубилась в чтение инструкций. Строительные нормы и правила (СНиП) в Португалии были достаточно строгими, но Аврора всегда старалась перестраховаться и использовать самые современные технологии и материалы, чтобы обеспечить максимальную безопасность на стройке.

Она открыла браузер и начала искать информацию о новых технологиях защиты рабочих от падения с высоты. Эта проблема особенно актуальна при строительстве многоэтаж-

ных зданий. Аврору интересовали новые системы страховочных тросов и сеток, которые могли бы предотвратить серьёзные травмы.

Она также искала информацию о новых материалах, которые могли бы повысить огнестойкость здания. В последнее время в Европе участились случаи пожаров в жилых домах, построенных с использованием дешёвых материалов. Аврора хотела убедиться, что её проект соответствует самым высоким стандартам пожарной безопасности.

Она вспомнила случай на одной из её предыдущих строек, когда рабочий получил серьёзную травму из-за нарушения техники безопасности. Аврора тогда лично оплатила ему лечение и реабилитацию, но этот случай оставил глубокий след в её душе. С тех пор она стала ещё более внимательно относиться к вопросам безопасности на стройке.

Внезапно её отвлек стук в дверь.

“Войдите,” – сказала Аврора, не отрываясь от экрана компьютера.

В этот момент в кабинет, пропахший кофе и чертежами, вошёл Мигель. “Аврора, добрый вечер. Я тут подумал...” Он замаялся, поправляя очки в тонкой оправе. “Может быть, нам стоит провести дополнительный инструктаж по технике безопасности для всех рабочих? Знаешь, с учётом последних изменений в нормативах, да и вообще...”

Аврора оторвалась от чертежа, на котором кропотливо вырисовывала фасад одного из домов. Она устало потёр-

ла переносицу. “Добрый вечер, Мигель. И что ты предлагаешь?” Её голос звучал немного хрипло после долгого дня на стройке.

Мигель расплылся в улыбке. “Пригласить специалиста, который расскажет о новых правилах и технологиях. Знаешь, сейчас столько всего нового появляется... Современные строительные леса, системы страховки, даже каски с датчиками удара!” Он был явно увлечён этой темой.

Аврора приподняла бровь. “Каски с датчиками удара? Это что-то новенькое.” В голове у неё промелькнула мысль о стоимости таких касок, но она тут же отбросила её. Безопасность людей была превыше всего. “Отличная идея, Мигель. Действуй. Завтра же и проведём.”

Мигель буквально засиял. “Я знал, что тебе понравится! Я уже начал готовить программу. Приглашу инженера по охране труда из Лиссабона, Мануэля Перейру. Он считается одним из лучших в стране. Представляешь, он консультировал даже при строительстве моста Васко да Гама!”

Аврора улыбнулась в ответ, но в её глазах мелькнула искорка иронии. Мигель всегда был немного максималистом. “Прекрасно. Только напомни ему, что у нас не мост, а жилой комплекс. И что главное – простые и понятные инструкции для рабочих.”

“Само собой! Я ему все объясню. Но все равно, новые технологии – это круто!” Мигель не унимался, продолжая перечислять все преимущества современных систем безопасно-

сти.

Аврора улыбнулась. Она знала, что с такими надёжными и увлечёнными помощниками, как Мигель она сможет справиться с любыми трудностями и построить не только красивые дома, но и безопасное рабочее место для своих сотрудников. На её плечах лежала огромная ответственность, но она готова была её нести. Потому что она знала, что за каждым построенным ею домом стоят жизни людей. И она должна сделать все возможное, чтобы эти жизни были в безопасности.

Глава 4 Перекрёсток

Аврора провела остаток дня, словно у неё началась личная война с пикселями. Она впиалась взглядом в монитор, с остервенением изучая новейшие технологии безопасности, как будто от этого зависела судьба мира – или, по крайней мере, целостность каждого незакрепленного болта на будущей стройке. Навязчивые мысли: “Если хоть один ребёнок упадёт с этой горки, я лично буду носить его на руках до конца его дней!” – лезли в голову, мешая сосредоточиться.

Воспоминания о матери, годами гнувшей спину на пропахшей машинным маслом фабрике, где риск получить травму был настолько обыденным, что даже местные коты ходили в касках (ну, почти), не давали ей покоя. Аврора знала, что такое “производственная необходимость” – эвфемизм, за которым обычно прячется халатность, циничное пренебрежение к человеческой жизни и желание сэкономить на всем, кроме зарплаты директора.

Она читала про “умный бетон” с самовосстанавливающимися микрокапсулами (кто бы мог подумать, что бетон может быть умным?!), про датчики движения, реагирующие даже на дыхание бабочки (интересно, как они отличают бабочку от маленького воришки?), и про системы пожаротушения, которые, по словам рекламных проспектов, способны залить огнём целый стадион за считанные секунды (главное, чтобы

не залили водой заодно и всех зрителей).

Вечером, когда Кенан высадил её у подъезда, нежно коснувшись губами виска, Аврора чувствовала себя выжатой, как лимон. Он, с его пронизательным взглядом, сразу отметил тени под её глазами, слишком заметные даже в полумраке салона автомобиля. “Тебе нужно отдохнуть, Аврора,” – сказал он, и в его голосе звучала искренняя забота, которую она ценила, но одновременно и немного боялась. Боялась, что он увидит в ней не успешного архитектора, а ту маленькую девочку, которая пряталась в углу от пьяного отчима.

Шагнув в просторную, словно залитую мёдом, гостиную, Аврора надеялась отбросить все мысли и просто рухнуть на диван. Паркет под ногами был отполирован до блеска, в камине уютно потрескивали дрова, создавая атмосферу тепла и спокойствия. Но тут взгляд предательски зацепился за стопку чертежей, вызывающе развалившихся на столе. Это была её навязчивая идея, её личный крестовый поход – концепция “идеального дома” для тех, кому повезло меньше, чем ей.

“Не могу сейчас,” – прошептала она, обращаясь скорее к стопке бумаги, чем к себе. Усталость навалилась на плечи, словно бетонная плита. «Сон для слабаков, а я... я просто очень, очень эффективный архитектор,» – подумала она, с сарказмом подражая любимой фразе одного из своих боссов. Но совесть, эта вечная зануда, не позволила отложить дело. Вздохнув, как Сизиф перед очередным подъёмом камня, она

включила настольную лампу, отбрасывающую уютный жёлтый свет, и села за стол.

Чертежи кишели деталями, любовно выписанными её рукой: компактные, но функциональные кухни (не больше авиационного кокпита, но там поместится всё необходимое!), светлые комнаты с огромными окнами (чтобы даже в самый пасмурный день казалось, что светит солнце), общие зоны для общения и игр (никаких унылых детских площадок с облезлой краской!). Аврора мечтала создать не просто жильё, а своего рода sanctuary, где люди чувствовали бы себя в безопасности, знали бы, что их ценят, и могли бы, наконец, расправить плечи.

И тут её взгляд зацепился за один из чертежей. Это был эскиз детской комнаты. Маленькое, почти бойничное окно, выходящее во внутренний двор. Аврора вдруг ощутила острую, почти физическую боль. Её собственная детская... Крошечная каморка в старом доме, где она ютилась с матерью и отчимом. Окно было почти всегда заколочено, и ей казалось, что она задыхается от спёртого воздуха и ощущения безысходности. Она даже помнила рисунок на обоях – жёлтые ромашки, выцветшие и какие-то тоскливые. «Ромашки тоже могут быть депрессивными,» – подумала она, с горькой усмешкой.

Сердце болезненно сжалось. Импульсивно схватив карандаш, она принялась яростно переделывать чертёж. Она увеличила окно вдвое, втрое! Сделала его не просто окном, а

своеобразной светящейся стеной. Ей хотелось, чтобы дети, живущие в этих домах, чувствовали себя свободными, как птицы в небе. Чтобы они видели не унылые стены, а мир, полный возможностей. Чтобы они точно знали: жизнь – это не только жёлтые ромашки на выцветших обоях.

Поглощённая созданием идеального чертежа детской комнаты, Аврора не заметила, как время растворилось в полумраке её кабинета. Стрелки часов давно перевалили за полночь, и лишь лампа на её столе, словно маяк, вырывала из густой темноты сосредоточенное лицо. Она забыла об усталости, о навязчивом чувстве вины, которое преследовало её с юности, о тягостном прошлом, от которого, казалось, невозможно было убежать. Сейчас она была лишь архитектором, творцом, в чьих руках рождался не просто проект, а мечта – мечта о лучшем мире для тех, кто нуждался в этом больше всего.

На мгновение, её пальцы застыли над чертежом. В голове мелькнула мысль: “Что я, в сущности, знаю о детях? О детях, живущих в нищете?” Она вспомнила свою первую комнату – крохотную, сырую каморку с окном, забранном решёткой, чтобы защитить от воров. В этой комнате, вместо ярких обоев, были обшарпанные стены, а вместо игрушек – обломки старой мебели. Но даже там, в этом убогом уголке, её мать умудрялась создавать атмосферу тепла и любви. “Главное, чтобы дети чувствовали себя в безопасности,” – говорила она, укрывая Аврору старым, залатанным одеялом.

“Тогда они смогут вырасти хорошими людьми, несмотря ни на что”.

Внезапно почувствовав озноб, Аврора накинула на плечи тёплый плед, связанный её бабушкой задолго до её рождения – единственную вещь, напоминающую о семье. Подойдя к окну, она залюбовалась ночной Синтрой. Город спал, укрытый бархатным покровом темноты. Лишь редкие огни фонарей мерцали внизу, напоминая россыпь звёзд, случайно упавших с небес. Аврора любила Синтру за её умиротворяющую тишину, за её извилистые улочки, хранящие в себе дух истории, за ощущение безопасности, которое она испытывала здесь, вдали от суеты и жестокости большого мира.

Но даже в этом тихом уголке воспоминания находили лазейки. В голове возник образ матери, работающей на фабрике по двенадцать часов в день, чтобы прокормить её, измождённой, но всегда находившей силы улыбнуться и обнять Аврору. Вспомнился страх перед отчимом, чья непредсказуемость держала их в постоянном напряжении. Каждое его появление в доме было как предвестие грозы.

Аврора знала, что её успех – это во многом заслуга матери. Именно она научила её ценить труд, быть сильной и никогда не сдаваться. Она часто повторяла: *“У тебя есть талант, Аврора. Используй его, чтобы сделать мир лучше”*. И именно поэтому Аврора чувствовала такую огромную ответственность перед теми, кто нуждался в помощи. Она хотела отдать им частичку тепла и любви, которых ей самой так не

хватало в детстве.

Вернувшись к столу, Аврора снова взяла в руки карандаш. Ей хотелось, чтобы эти дома были не просто красивыми и функциональными, а по-настоящему “живыми”, наполненными светом и теплом. Чтобы в этих стенах люди чувствовали себя защищёнными и счастливыми, могли отдохнуть от повседневных забот и набраться сил для новой жизни. Она задумалась о том, что детская комната – это не просто место для сна и игр, это целый мир, где формируется личность ребёнка, его ценности и мечты.

Внезапно ей показалось, что она слышит тихий шёпот – голос матери, полный любви и поддержки. *“Ты все делаешь правильно, моя девочка. Не останавливайся”*. Аврора улыбнулась сквозь наворачнувшиеся слезы. Она знала, что мать всегда рядом с ней, в её сердце, направляет и вдохновляет её.

Она продолжала работать, пока первые лучи солнца не пробились сквозь ночную мглу, окрашивая небо в нежные пастельные тона. Уставшая, но довольная, Аврора откинулась на спинку кресла и взглянула на чертежи. Детская комната теперь выглядела совсем иначе. Огромное окно, заливающее комнату солнечным светом, светлые стены, визуально расширяющие пространство, уютная мебель из натуральных материалов. Здесь было все, чтобы дети чувствовали себя счастливыми и защищёнными.

Аврора знала, что это только начало долгого пути. Впереди её ждёт ещё много работы, прежде чем её мечта во-

плотится в реальность. Но она была готова к любым трудностям. В её сердце горел огонь, который не позволит ей сдаться. Она налила себе чашку крепкого кофе, взяла свежую выпечку из местной булочной и вышла на балкон встречать рассвет. Синтра просыпалась, наполняясь звуками жизни. Аврора улыбнулась. Сегодня будет хороший день, и она сделает все, чтобы этот день принёс пользу тем, кто в ней нуждается.

Глава 5 Дома из мечты

Проект доступного жилья, с названием «Надежда», стал для Авроры не просто работой – личным крестовым походом против несправедливости. Одержимость? Пожалуй. Навязчивая идея, сродни той, что преследовала капитана Ахава? Скорее всего. Но эта одержимость была её щитом и мечом, позволяющим хоть на время забыть о призраках прошлого.

Аврора вычерчивала планы, словно плела защитные заклинания. Работала сутками, питаясь кофе из термоса и случайными перекусами, забывая о сне и нормальном режиме. Кенан, её восточный принц-бизнесмен, начинал всерьёз беспокоиться. Однажды, застав её в три часа ночи за очередным чертежом, он попытался вытащить планшет из её рук, приговаривая что-то о вреде переутомления и пользе хамама.

– Кенан, пожалуйста, – устало выдохнула Аврора, – ты же знаешь, как это важно для меня.

– Важно? Это важнее здорового сна? Или, может, важнее меня? – с притворным возмущением спросил он, но в глазах плескалось искреннее беспокойство. – Слушай, ты же архитектор, а не мать Тереза в каске!

Она улыбнулась. Кенан умел возвращать её на землю.

Для Авроры «Надежда» были не просто квадратными метрами. Она мечтала создать место, где дети могли бы рисовать радугу на стенах, не боясь, что краска останется на всю

жизнь (кто бы потом отмывал?). Место, где родители могли бы позволить себе чашку кофе в кафе напротив, вместо того, чтобы судорожно подсчитывать оставшиеся до зарплаты центы (хотя, признаться, и сама Аврора не всегда могла себе это позволить в студенческие годы).

Каждая деталь была продумана до мелочей: от удобной планировки (чтобы даже в “однушке” можно было танцевать танго в одиночестве, если, конечно, соседи не против), до экологичных материалов (чтобы потом не пришлось объяснять внукам, почему у них три руки). Она хотела использовать солнечные батареи на крыше (как в лучших европейских проектах), чтобы снизить счета за электричество (и чтобы жильцы могли хвастаться перед друзьями, что живут в “зелёном” доме).

Она мечтала о дворе, где дети играли бы в футбол, а не сидели в телефонах (хотя, признаться, сама Аврора иногда залипала в социальных сетях). Хотела создать общественный центр, где можно было бы устраивать вечера кино (показывая старые добрые комедии, чтобы все смеялись до слез, а не современную “чернуху”, от которой хочется выть на луну).

Сидя над планом детской площадки, Аврора вдруг вспомнила свой собственный “двор” – заброшенный пустырь за домом, где она росла. Единственным развлечением там была игра “Построй свой дом”. Они, грязные, оборванные, воображали себя архитекторами и строителями, возводя из мусора и руин целые дворцы. Картонные коробки становились

стенами, рваные тряпки – шторами, а осколки стекла – сверкающими люстрами. Это было их убежище, их фантастический мир, где они могли забыть о голоде, о побоях, о страхе.

Аврора вздрогнула, отгоняя навязчивые воспоминания. Теперь у неё был свой собственный, настоящий дом. Просторная квартира с видом на океан, дорогая мебель, картины современных художников. Все, о чем она мечтала в детстве. Но иногда, глядя на эту роскошь, она чувствовала себя обманщицей, как будто она украла эту жизнь, как будто она не заслужила её. И тогда ей снова снился пустырь, грязный и уродливый, но такой родной и знакомый.

Слезы навернулись на глаза. Она быстро смахнула их, ругая себя за сентиментальность. Она не позволит, чтобы хоть один ребёнок повторил её судьбу.

Внезапно зазвонил телефон. На экране высветилось имя Маркоса, её вечного помощника, который постоянно что-то терял, забывал и путал, но был предан ей до мозга костей.

– Аврора, у нас тут... небольшая заминка, – промямлил Маркос, – Застройщик... ну, этот толстосум... он решил... э-э-э... короче, он отказывается финансировать проект! Говорит, слишком дорого.

Сердце Авроры рухнуло куда-то в район желудка. “Надежда” – на грани провала?

– Спасибо, Маркос, – стараясь сохранить спокойствие, ответила Аврора, – Позвони ему. Скажи, что я хочу встретиться с ним сегодня же. И да, Маркос, в этот раз, пожалуйста,

не забудь мой телефон на столе в кафе.

Аврора откинулась на спинку кресла. “Толстосум” решил сыграть в жадного монополиста. Что ж, игра начинается. Аврора Перейра никогда не сдавалась без боя.

Аврора знала Антонио Феррейру как облупленного. Под глянцевою маской успешного девелопера скрывался безжалостный делец, готовый на все ради прибыли. Его благотворительные акции были лишь тщательно продуманным пиар-ходом, призванным замаскировать цинизм и алчность. В душе он презирал тех, кто не входил в его узкий круг избранных – тех, кто не родился с серебряной ложкой во рту, тех, кто не мог похвастаться родословной, тянущейся к самым корням португальской знати.

Она встречалась с ним раньше по другим проектам, но каждый раз испытывала почти физическое отвращение к его скользкому, снисходительному тону, к похотливому взгляду, скользившему по её фигуре, словно оценивающему товар на рынке.

Встреча была назначена в его роскошном офисе на Аве-нида да Либердаде – улице, которая сама по себе являлась символом лиссабонской роскоши и власти денег. Аврора нарочно оделась в свой самый строгий костюм – тёмно-синий брючный комплект от Rosa & Teixeira, который идеально подчёркивал её стройную фигуру, но при этом не давал ни малейшего повода для фривольных комментариев. Она хотела, чтобы он видел в ней профессионала, архитектора с

принципами, а не просто красивую женщину. В конце концов, дискриминация по половому признаку все ещё процветала в португальском обществе, особенно в консервативном мире строительства и недвижимости.

Феррейра встретил её у входа в свой кабинет с натянутой улыбкой и нарочитым радушием. Его отутюженный костюм от Armani сидел безупречно, а дорогие часы Patek Philippe на запястье красноречиво говорили о его статусе.

– Аврора, дорогая! Как я рад тебя видеть! Проходи, присаживайся. Что будешь – кофе, чай, может быть, что-нибудь покрепче? Porto? – в его голосе звучала приторная сладость.

– Кофе, спасибо, – сухо ответила Аврора, стараясь не показывать своего раздражения. – Давайте сразу к делу, Антонио. Маркос сообщил мне, что вы отказываетесь финансировать проект “Надежда”. Могу я узнать причину?

Феррейра откинулся на спинку своего огромного кожаного кресла Poltrona Frau и сложил руки на животе, словно оценивая её. За его спиной открывался панорамный вид на Лиссабон, словно город лежал у его ног.

– Причина проста, дорогая. Деньги. Dinheiro, как говорят у нас в Португалии. Твой проект слишком дорогой. Я бизнесмен, а не благотворитель. Мне нужно, чтобы мои инвестиции приносили прибыль. В конце концов, я несу ответственность перед своими акционерами.

– Но мы же обсуждали бюджет на начальном этапе! Вы согласились с моими условиями. Что изменилось? – Аврора

чувствовала, как её голос становится все более твёрдым.

– Изменились обстоятельства. Рынок недвижимости – это как океан, Аврора. Сегодня штиль, завтра – шторм. Я нашёл более выгодные проекты, – уклончиво ответил Феррейра, избегая прямого взгляда. – Но я готов предложить тебе компромисс.

Аврора насторожилась. Она знала, что от Феррейры не стоит ждать ничего хорошего. Этот “компромисс”, скорее всего, обернётся очередным унижением и попыткой урезать её проект до неузнаваемости.

– Какой компромисс? – в её голосе звучала сталь.

– Я готов продолжить финансирование, но с некоторыми изменениями, – Феррейра достал из ящика стола толстую папку и протянул её Авроре. В его глазах мелькнул хищный блеск. – Во-первых, мы сокращаем бюджет на двадцать процентов. Во-вторых, мы отказываемся от экологичных материалов и солнечных батарей. В-третьих, мы упрощаем планировку квартир и уменьшаем площадь детской площадки. В-четвёртых...

Аврора даже не стала дослушивать. Она быстро просмотрела документы. Феррейра хотел превратить её мечту – комплекс доступного жилья, спроектированного с душой и заботой о людях – в безликую коробку, лишённую всякой индивидуальности и комфорта. Он хотел превратить её “Надежду” в очередное гетто, где бедные люди будут жить в тесноте и убожестве.

– Вы хотите, чтобы я построила гетто, Антонио? – с презрением спросила она, глядя ему прямо в глаза. – Я на это не подписывалась.

– Не драматизируй, дорогая. Это всего лишь бизнес. Не нужно быть такой идеалисткой. Если ты не согласна, я найду другого архитектора, который будет более сговорчивым. Таких пруд пруди. В конце концов, кризис заставил многих архитекторов снизить свои аппетиты.

– Вы думаете, я испугаюсь? – Аврора решительно поднялась со стула. – Вы меня плохо знаете, Антонио. Я скорее откажусь от проекта, чем предам свои принципы.

– Это твой выбор, – пожал плечами Феррейра, демонстрируя полное безразличие. – Но помни, Аврора, в этом городе все связано с деньгами. Dinheiro, как я уже говорил. Без них ты никто. Ты можешь быть талантливой, красивой, умной, но без денег ты просто пыль под ногами.

– Я предпочитаю быть никем, чем быть такой, как вы, – с этими словами Аврора развернулась и вышла из кабинета, оставив Феррейру одного в его роскошной клетке.

Она шла по Авенида да Либердаде, чувствуя, как внутри все кипит от гнева и возмущения. Она чувствовала себя преданной и использованной. Но ещё сильнее она чувствовала решимость бороться за свой проект, за свою мечту.

Что она будет делать дальше? Как она сможет спасти проект “Надежда” от алчности и цинизма Антонио Феррейры?

Внезапно её взгляд упал на витрину ювелирного магазина

David Rosas. Внутри сверкали бриллианты, рубины, изумруды и золото, словно звезды в ночном небе.

Аврора замерла перед витриной ювелирного бутика, словно загипнотизированная. Бриллианты, сапфиры, изумруды... Драгоценные камни всех форм и размеров сверкали под ярким светом, переливаясь всеми цветами радуги. Она никогда не испытывала влечения к ювелирным украшениям, считая их символом поверхностности и показного богатства. Но сегодня, глядя на этот ослепительный блеск, в её голове промелькнула мысль: а что, если именно в этом мире роскоши кроется её спасение?

В памяти вспыхнуло воспоминание, словно искра, воспламенившая заброшенный очаг. Пыльный, обитый старой кожей сундук, спрятанный на чердаке ветхого дома её бабушки в окрестностях Порту. Там, среди пожелтевших фотографий и пахнущих нафталином кружевных салфеток, хранились сокровища, которые она давным-давно забыла – украшения её матери.

Она помнила смутные рассказы бабушки о том, что эти украшения имеют определённую ценность, что их когда-то носили дамы из высшего общества. Но в детстве Аврору больше интересовали сказки, а не бабушкины воспоминания. Сейчас, в отчаянной попытке найти выход из финансового тупика, в котором оказался её проект, она поняла, что эти забытые сокровища могут стать её последней надеждой.

Аврора решительно развернулась и направилась к бли-

жайшей кофейне. Ей нужно было срочно составить план, чтобы принять какое-либо импульсивное решение. *“Импульсивность – плохой советчик”* – говорила ей бабушка в детстве. Заказав двойной эспрессо, она достала телефон и принялась судорожно гуглить *“ювелирные аукционы Лиссабон”*.

Несколько часов спустя Аврора сидела, сгорбившись, за своим заваленным чертежами столом, освещённым лишь тусклым светом настольной лампы. На экране ноутбука горела страница аукционного дома *“Christie’s”*. Сердце бешено колотилось в груди, отстукивая тревожный ритм.

Она нашла подходящий аукцион – *“Изысканные драгоценности”*, который должен был состояться через две недели. В списке лотов красовались названия, звучавшие как музыка: бриллиантовые кольца в стиле ар-деко, рубиновые серьги от Cartier, изумрудные броши, принадлежавшие когда-то португальским аристократам... Сокровища, за которые можно было выручить целое состояние.

Аврора глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в руках. *“Это безумие”*, – прошептала она одними губами. Она могла потерять все – не только проект, в который вложила душу, но и память о матери, заключённую в этих старых украшениях. Но она также знала, что не сможет спокойно смотреть, как рушится её мечта, как семьи, нуждающиеся в доступном жилье, остаются без надежды на лучшую жизнь.

Решение созрело мгновенно, словно плод, переполненный зрелостью. Она выставит украшения матери на аукцион.

Это был её отчаянный, безумный, но единственно возможный шанс спасти проект “Надежда”.

В этот момент в дверь постучали. Три коротких, уверенных удара.

– Войдите, – произнесла Аврора, стараясь придать голосу уверенность, хотя внутри все дрожало от страха.

На пороге стоял Кенан. В его глазах читалась тревога, смешанная с любовью.

– Аврора, что случилось? Маркос сказал, что ты покинула офис Феррейры, хлопнув дверью и выкрикивая что-то о моральных принципах. Всё в порядке?

Аврора посмотрела на Кенана. Он был её якорем, её тихой гаванью в бушующем океане жизни. Она знала, что может доверять ему, как самой себе. Он всегда поддерживал её амбиции. Но она боялась рассказать ему о своём плане. Боялась, что он сочтёт её безумной, скажет, что это слишком рискованно.

– Всё хорошо, Кенан, – попыталась она улыбнуться, но получилось лишь натянутое подобие. – Просто небольшая производственная дискуссия с Феррейрой. Ничего серьёзного.

Кенан нахмурился. Он слишком хорошо знал Аврору, чтобы поверить в эту ложь. Он подошёл к ней, взял её руки в свои и почувствовал, как сильно она дрожит.

– Аврора, я вижу, что что-то не так. Ты не можешь скрыть это от меня. Пожалуйста, скажи, что случилось. Я здесь, чтобы поддержать тебя.

Аврора взглянула в его глаза. В них отражалась безусловная любовь, забота и готовность разделить с ней любую ношу. Она поняла, что больше не может скрывать правду.

Сбивчиво, запинаясь, она рассказала Кенану о встрече с Феррейрой, о его циничном предложении и о своём безумном решении выставить украшения матери на аукцион.

Кенан молчал, лишь крепче сжимая её руки. Когда она закончила, он притянул её к себе и крепко обнял.

– Я понимаю, Аврора, – тихо произнёс он, глядя её по волосам. – Я понимаю, как важен для тебя этот проект. Я горжусь тобой за то, что ты не сдаёшься. Ты – самая сильная женщина, которую я знаю.

Аврора почувствовала, как слезы, которые она так долго сдерживала, наконец-то хлынули потоком, обжигая её щеки.

– Но, Аврора, – продолжал Кенан, отстраняясь и смотря ей в глаза, – я не хочу, чтобы ты делала это одна. Я хочу помочь тебе.

– Но как? – всхлипнула Аврора. – У меня больше нет никаких идей.

Кенан загадочно улыбнулся.

– У меня есть кое-что, что ты не знаешь. Давай вместе посмотрим на эти украшения, и я уверен, что мы найдём выход. Ты не одна в этом, помнишь?

Аврора кивнула, комок в горле мешал вымолвить хоть слово. Она позволила Кенану бережно увлечь себя вглубь комнаты, к старому, обитому бархатом ореховому дереву,

сундучку, который хранил сокровища её матери. “Сокровища” – громко сказано, конечно, но для Авроры эти вещицы были бесценны.

Кенан откинул крышку, и комната наполнилась не столько ярким блеском, сколько мягким, словно приглушённым временем мерцанием старинного золота и сдержанным сиянием драгоценных камней. Казалось, будто в сундучке спит маленькая фея, посылающая лучи света, чтобы успокоить встревоженную хозяйку. Кенан взял в руки одно из коле, тонкую золотую цепочку с подвеской в виде мальтийского креста, инкрустированного мелкими рубинами.

– Они прекрасны, – тихо произнёс он, словно боялся разбудить ту самую фею, – Но ты уверена, что хочешь это сделать? Это же не просто цапки, это... память, понимаешь?

Аврора колебалась. Да, она горела своим проектом, мечтала создать доступное жильё, которое станет оазисом надежды для нуждающихся, но готова ли она расстаться с единственным, что связывало её с матерью? С вещами, которые она помнила с детства? Это как продать часть своей души на аукционе.

– У меня нет другого выхода, – прошептала она, чувствуя, как в глазах собираются слезы.

Кенан отложил коле и повернулся к Авроре, сжимая её ладонь в своей руке.

– Возможно, и есть, – сказал он с загадочной улыбкой, от которой в животе Авроры запорхали бабочки. “Как всегда,

полон сюрпризов,” – подумала она, закатив глаза. – Ты же знаешь, мой дед был потомственным ювелиром в Стамбуле. Он передал мне не только семейный бизнес, который я, к слову, бессовестно забросил ради IT, но и кое-какие полезные знания. Давай посмотрим на эти штучки повнимательнее. Чувствую, тут есть нечто большее, чем просто золото и камушки.

Аврора смотрела на Кенана с растущей надеждой. Иногда ей казалось, что он – не просто её парень, а какой-то восточный джинн, готовый исполнить любое желание.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, скрестив пальцы на удачу.

– Я думаю, что для начала стоит провести нормальную экспертизу, а не бежать сломя голову в первый попавшийся ломбард. Может оказаться, что это кольцо времён королевы Марии II, а этот браслет принадлежал какой-нибудь турецкой принцессе! Кто знает, какие истории хранит этот сундучок. И, может быть, у меня завалялось пара-тройка телефончиков коллекционеров, для которых подобные артефакты – не просто предметы роскоши, а настоящие произведения искусства. Они скорее купят это все за баснословные деньги, чем какой-нибудь перекупщик.

Кенан взял её лицо в свои ладони, нежно заглядывая в глаза.

– Кроме того, дорогая, – добавил он, лукаво прищурившись, – я всегда говорил, что инвестирую в твой проект. И

если понадобится, я готов достать из широких штанин... то есть, из своего банковского счета, кругленькую сумму, чтобы ты не расставалась с этими семейными реликвиями. В конце концов, у каждого уважающего себя бизнесмена должна быть какая-нибудь благотворительная авантюра.

Аврора почувствовала, как её сердце наполняется теплом и благодарностью. Она не знала, что бы она делала без Кенана. Он был не только красив и успешен, но и невероятно добр и щедр.

– Ты готов на это ради меня? – спросила она, глядя ему в глаза, полные любви и восхищения.

– Глупышка, – ответил он, нежно улыбаясь. – Я готов на все ради тебя, Аврора. Ты же помнишь? И ради твоих гениальных архитектурных идей, конечно.

Он нежно поцеловал её в лоб, и в этот момент Аврора почувствовала, что все обязательно будет хорошо. У неё есть Кенан, который всегда поддержит, у неё есть её любимый проект, который она обязательно воплотит в жизнь, и у неё есть надежда, которая горит в её сердце ярче, чем когда-либо прежде.

Глава 6 Семейные реликвии

Аврора уткнулась лицом в плечо Кенана, ища утешения в его объятиях. Его тепло разливалось по телу, словно глоток пряного турецкого кофе в холодный день. “Ты самый лучший”, – прошептала она, чувствуя, как подступают слезы.

Кенан самодовольно хмыкнул, но тут же приобнял её крепче: “Знаю, дорогая. Но, как говорят у меня на родине, ‘слезы – хорошие удобрения, но ими нельзя злоупотреблять’. Давай лучше покончим с этим кладом, и ты вернёшься к своим чертежам. Мне уже снится этот твой ‘идеальный дом’!”

Он театрально вздохнул и отступил от Авроры, открывая старинный сундучок из потемневшего дерева. Бархатная обивка внутри, когда-то алая, теперь выцвела до оттенка старого вина. Внутри, словно сокровища Али-Бабы, мерцали золотые кольца, браслеты с искрами драгоценных камней, серьги с жемчугом, напоминающим застывшие слезы, и кольца с узорами, словно пришедшими из восточных сказок.

“Вау! – Кенан присвистнул, беря в руки массивное золотое кольцо, украшенное бирюзой. – Твой дед знал толк в блестяшках! Хотя, погоди... Да это же бирюза! Аврора, дорогая, ты уверена, что он не был пиратом? Или, может, контрабандистом?”

Аврора слабо улыбнулась. Воспоминания накатили, словно приливная волна. В детстве она часто разглядывала эти

сокровища вместе с мамой. Мама рассказывала истории, связанные с каждой вещицей – легенды о таинственных владельцах, о путешествиях и невероятных событиях.

Вот это кольцо с сапфирами, цвета безоблачного неба над Лиссабоном, мама надевала на свадьбу. “Знаешь, – рассказывала она, – когда я его надела, мне казалось, что на мне не просто украшение, а благословение небес”. А этот браслет с рубинами, цветом крови и страсти, дед подарил ей на день рождения. “Он сказал, что рубины приносят удачу и защищают от злых сил”, – вспоминала мама. А эти серьги с жемчугом, простые и элегантные, она носила почти не снимая. “Жемчуг – это слезы радости”, – говорила она, – “пусть в твоей жизни будет много таких слез”.

Аврора взяла в руки серьги, чувствуя прохладу гладкого жемчуга. Ей вдруг показалось, что она снова слышит голос мамы, ощущает её тепло и любовь. Слезы защипали глаза, и она отвернулась, чтобы скрыть свою слабость.

Кенан, заметив её состояние, нежно обнял её за плечи. “Все в порядке, дорогая? Ты как будто увидела призрак...”

Аврора вытерла слезы. “Да, все хорошо. Просто... воспоминания. Мама любила эти вещицы. Каждая из них – как кусочек нашей жизни.”

Кенан вздохнул. “Я понимаю. Это тяжело. Но помни, Аврора, твоя мама хотела, чтобы ты была счастлива. И я уверен, что если продажа этих украшений поможет тебе осуществить мечту, она бы только порадовалась. Ну, и, конечно,

присмотрела бы себе что-нибудь новенькое на небесном аукционе!”

Аврора, всхлипнув, рассмеялась. “Ты прав. Она бы точно нашла себе там что-нибудь экстравагантное”.

“Вот и отлично! – Кенан достал из кармана монокль, словно настоящий Шерлок Холмс, и водрузил его на нос. – Ладно, давай посмотрим, что тут у нас есть. Может, среди этих безделушек найдётся пара-тройка бриллиантов для моей любимой архитекторши!”

Кенан тщательно осматривал каждое украшение, бормоча что-то себе под нос на смеси турецкого и английского, сверяясь с какими-то заметками в своём блокноте. Он крутил украшения в руках, подносил к свету, разглядывал через лупу, словно учёный, изучающий диковинных насекомых.

Аврора наблюдала за ним с любопытством. Она знала, что Кенан – успешный бизнесмен, но никогда не подозревала о его познаниях в ювелирном деле.

“Ну что, – спросила она, когда Кенан закончил свой осмотр. – Есть надежда, что мы не останемся с одними только воспоминаниями?”

Кенан снял монокль и посмотрел на Аврору с лукавой улыбкой. “О, дорогая, новости есть. И, смею тебя уверить, они превосходные. Твой дед, похоже, был не только обладателем прекрасного вкуса, но и настоящим ценителем сокровищ! Здесь есть несколько экземпляров, которые вполне могут потянуть на небольшой остров в Тихом океане!”

Аврора затаила дыхание. “Не может быть!”

“Ещё как может! – Кенан поднял палец вверх. – Например, это кольцо с сапфирами... Похоже, оно было изготовлено для какой-нибудь русской княгини в конце девятнадцатого века. Сапфиры просто невероятные. А эти серьги с жемчугом... Думаю, если покопаться в истории, можно выяснить, что их носила сама императрица Сисси!”

Аврора смотрела на Кенана с недоверием. “Но откуда у моей мамы такие сокровища? Она никогда ничего не говорила!”

Кенан пожал плечами. “История – дама тёмная и запутанная. Может, твой дед был тайным агентом? Или грабил банки? Кто знает! Главное, Аврора, что у тебя есть шанс не просто построить комплекс доступного жилья, а создать настоящий шедевр! Представь себе, дома, достойные королей и княгинь!” Он подмигнул. “А я, как твой личный финансист, приложу все усилия, чтобы ты получила за эти штуковины достойные деньги. Думаю, у меня есть пара знакомых антикваров в Стамбуле, которые с удовольствием примут участие в этом деле”.

Аврора посмотрела на сундучок с драгоценностями и почувствовала, как в её душе разливается тепло и надежда. Да, прошлое было тяжёлым и полным боли, но, возможно, благодаря этим сокровищам она сможет построить будущее, о котором всегда мечтала – будущее, в котором нуждающиеся получат дом, достойный человека.

“Что ж, – сказала она, улыбаясь, – кажется, у нас намечается прибыльное дельце!”

Взгляд Авроры зацепился за скромную вещицу – тонкую золотую цепочку с крошечным кулоном в форме сердца. Она выглядела почти сиротливо на фоне помпезности остальных украшений.

“Эту цепочку мне подарила мама на шестнадцать лет”, – тихо сказала Аврора, рассматривая кулон. – “Она тогда долго копила, работала на двух работах, чтобы купить мне хоть что-то. Говорила, что каждая девочка должна иметь своё маленькое сокровище. А мне казалось, что сокровище – это когда на столе есть еда.”

Кенан подошёл к ней и нежно обнял. “Знаешь, в Турции говорят: *“Дёшево купленное плачет, а дорогое – радует”*. Но, глядя на эту цепочку, понимаешь, что самая большая ценность – это любовь и забота, которые в неё вложены.”

Аврора сглотнула комок в горле. Ей действительно не хотелось расставаться с этой цепочкой, но она знала, что деньги, вырученные от продажи украшений, помогут осуществить её мечту. *“Порой, чтобы построить что-то новое, нужно расстаться со старым,”* – прошептала она, словно уговаривая саму себя.

“Я подумаю”, – ответила она, пряча цепочку в карман. – “Но сейчас нам нужно составить список всех этих “ценностей”, как сказал бы Остап Бендер, и оценить их стоимость. Боюсь, без твоих связей в мире антикваров нам не обой-

тись.”

Кенан кивнул. “Не волнуйся, у меня есть один знакомый, настоящий “Индиана Джонс” в мире антиквариата. Он может отличить подделку от оригинала с закрытыми глазами. Я уже позвонил ему. Он готов прилететь в Лиссабон уже завтра. Правда, у него есть одна странность – он всегда носит с собой лупу размером с блюдце. Говорит, что так лучше видно “душу” вещи.”

Аврора вздохнула. “Надеюсь, он не разочарует нас. Мне так хочется, чтобы этот проект стал реальностью. Чтобы люди, которые оказались в трудной ситуации, получили шанс на достойную жизнь.”

“Он обязательно станет реальностью”, – уверенно сказал Кенан. – “Я тебе обещаю. Мы вместе построим самый лучший комплекс доступного жилья в Португалии. И твоя мама будет гордиться тобой, глядя на нас с небес. А ещё, представь, мы сможем назвать один из домов в честь твоей мамы! Как тебе идея?”

Аврора улыбнулась и прижалась к Кенану. Он всегда умел найти нужные слова и поддержать её в трудную минуту. Благодаря ему она чувствовала себя сильной и уверенной в своих силах. “Ты знаешь, как меня подбодрить”, – прошептала она.

“Я всегда буду рядом”, – ответил Кенан, целуя её в волосы. – “А теперь давай займёмся делом. Нам нужно подготовить все эти сокровища к приезду нашего “Индианы Джонса”. И,

кстати, не забудь приготовить ему кофе. Говорят, антиквары любят хороший кофе.”

Они вместе разложили украшения на столе и начали составлять подробный список, описывая каждую деталь: материал, вес, размеры, наличие драгоценных камней и т.д. Кенан внимательно изучал каждое украшение, используя свою лупу (обычного размера, к счастью) и делая пометки в своём блокноте. Аврора помогала ему, вспоминая истории, связанные с каждой вещью.

“Смотри, какая забавная брошь в виде лягушки”, – сказала Аврора, показывая Кенану украшение. “Бабушка говорила, что она приносит удачу. Но, по-моему, удача обходила нас стороной.”

“Может, лягушка просто работала на полставки”, – пошутил Кенан.

Работа заняла несколько часов. К вечеру они наконец-то закончили составлять список. У них получилось несколько страниц подробного описания украшений, каждое из которых имело свою ценность и свою историю.

“Ну что, – сказал Кенан, откладывая ручку и потягиваясь. – Кажется, мы готовы к завтрашнему дню. Надеюсь, антиквар оценит все это по достоинству. И, главное, пусть он не начнёт торговаться, как на турецком базаре. Я этого не переживу.”

Аврора кивнула, чувствуя волнение и надежду. Завтрашний день мог изменить её жизнь навсегда. “Надеюсь, он бу-

дет в хорошем настроении”, – сказала она. “А то вдруг он решит, что все это – подделка, и мы останемся ни с чем.”

Кенан обнял Аврору за плечи и посмотрел ей в глаза. “Все будет хорошо, дорогая. Я уверен, что у нас все получится. Мы вместе, а это значит, что мы справимся с любыми трудностями.”

Аврора улыбнулась и прижалась к Кенану. Ей было хорошо и спокойно рядом с ним. Она знала, что он всегда будет рядом, поддерживая её и помогая ей в трудную минуту. Вместе они могли преодолеть любые препятствия и осуществить все свои мечты.

Утро в Лиссабоне встретило Аврору промозглым ненастьем. Тяжёлые, свинцовые тучи нависли над городом, словно предвещая затяжную меланхолию. “Не к добру это”, – подумала Аврора, вспоминая португальскую примету, и её сердце сжалось от предчувствия. Она как будто ждала, что дождливая погода отразится в её душе, напоминая о событиях, которые ей ещё предстоит пережить.

Звонок в дверь прервал её размышления. Кенан, как всегда галантный, открыл дверь, впуская в квартиру невысокого, но статного мужчину, закутанного в помятый плащ, как будто он только что выскочил из нуарного фильма. На голове мужчины красовалась широкополая шляпа, надвинутая на глаза, скрывая взгляд. В руке гость держал не обычную лупу, а скорее, увеличительное стекло, размером с тарелку для супа. Это был Ахмед, эксперт по ювелирным изделиям

и давний друг Кенана.

“Ахмед,” – представился гость с едва уловимым восточным акцентом, пожимая руку Кенану. “Рад видеть тебя, старый друг! Слышал, ты затеял что-то интересное? Надеюсь, мои познания помогут вам.”

Кенан с теплотой поприветствовал Ахмеда, представив его Авроре. Ахмед, слегка поклонившись, окинул взглядом комнату, его взгляд на мгновение задержался на аккуратно разложенных украшениях.

“Итак, приступим к делу,” – произнёс Ахмед, доставая из кармана очки и водружая их поверх тех, что уже были на его лице. Он смахивал на учёного безумца из старинного фильма, готового погрузиться в свои исследования. – “Покажите мне ваши сокровища! Готов погрузиться в мир блеска и тайн!”

Ахмед, казалось, превратился в настоящего сыщика, принявшегося за увлекательное расследование. Он начал тщательно изучать каждое украшение, словно перед ним предстали артефакты, хранящие древние тайны. Используя своё гигантское увеличительное стекло, он рассматривал их со всех сторон, поднося к свету, чтобы уловить игру бликов, словно пытаясь прочесть послание, зашифрованное в драгоценных камнях. Ахмед даже слегка приоткрывал рот, словно пробуя их на вкус – он признался, что это старый приём ювелиров, позволяющий распознать подлинность камней.

Аврора и Кенан замерли, наблюдая за этим действием, за-

таив дыхание, боясь прервать столь сосредоточенную работу. Ахмед, погруженный в свои исследования, бормотал себе под нос: “Интересно... Очень интересно... Тут есть настоящие шедевры! Но, увы, попадаются и подделки. Хорошо исполненные, но все же...”

Ахмед продолжал свою работу несколько часов, задавая Авроре вопросы об истории каждого украшения. Откуда они взялись? Какие тайны хранят? Как они попали в её семью? Аврора старалась отвечать честно и подробно, надеясь, что это поможет эксперту определить истинную ценность каждого изделия. Она ощущала смесь волнения и надежды, понимая, что от этого анализа зависит её мечта о строительстве доступного жилья.

Наконец, Ахмед закончил осмотр. Он снял очки, потёр переносицу и с усталым видом окинул взглядом Аврору и Кенана. Он напомнил о себе, как о следователе, который, наконец, закончил долгое и трудное дело, и готов огласить вердикт.

“Что ж, у меня для вас две новости: хорошая и плохая. Начну с плохой: треть украшений – подделки. Не самые дорогие, но... Подделки,” – с грустью произнёс Ахмед. “Ну а теперь о хорошем: остальные украшения представляют значительную ценность. Особенно вот это кольцо в стиле ар-деко и вот этот браслет с филигранной резьбой. Они, возможно, стоят целое состояние!”

Ахмед озвучил общую стоимость украшений, озвучив

сумму, которая все же была меньше, чем рассчитывали Аврора и Кенан, но все равно была достаточной для начала строительства.

“Спасибо, Ахмед, ты очень помог,” – произнёс Кенан, пожимая руку своему другу. “Мы очень ценим твою экспертизу.”

“Не за что! Я всегда рад помочь старым друзьям. Но помните, что деньги – не главное. Главное – что вы делаете с ними. Надеюсь, вы используете их для добрых дел,” – с улыбкой произнёс Ахмед, намекая на благородные планы Авроры.

Ахмед попрощался, оставив Аврору и Кенана наедине. Аврора, посмотрев на Кенана, улыбнулась, её глаза блеснули.

“Ну что, кажется, мы на верном пути,” – с оптимизмом произнесла она. “Теперь нужно найти покупателя, который заплатит достойную цену, а главное, чтобы он не был таким эксцентричным, как наш друг Ахмед.”

Кенан рассмеялся. “Не волнуйся, дорогая. Я знаю несколько коллекционеров, которые с удовольствием приобретут эти сокровища. И, уверяю тебя, они не носят с собой лупу размером с блюдце, хотя, возможно, у них есть свои странности.” Кенан приобнял Аврору, давая ей понять, что они справятся.

Глава 7 Сделка с тенью

Поиски покупателя затянулись, словно португальская сага о мореплавателях, только вместо сокровищ Индии, они охотились за покупателем фамильных драгоценностей,” – подумала Аврора, нервно теребя брелок в виде миниатюрного трамвайчика “Электрико 28”. Кенан, как и обещал, задействовал все свои связи, обзвонил коллекционеров, антикваров и даже парочку аукционных домов, но достойного предложения всё не поступало. Казалось, рынок антиквариата Лиссабона замер в ожидании кризиса или, что вероятнее, конца света.

“Кажется, все выжидают, надеясь сбить цену, как голодные чайки атакуют забытый туристами багет,” – раздражённо сказал Кенан, откладывая телефон. Они сидели в “Pastéis de Belém”, ресторане, который Кенан любил не только за уединённость, но и за, чего уж греха таить, потрясающие пирожные паштел-де-ната. Авроре же, несмотря на любовь к сладкому, даже любимое лакомство сегодня казалось пресным, как жизнь без вдохновения.

“Может, стоит обратиться в аукционный дом за границей? Sotheby’s, например?” – предложила Аврора, машинально поправляя непослушную прядь волос.

“Это долго и дорого, как строительство моста Васко да Гама. Комиссия, транспортировка... Да и нет гарантии, что

там дадут больше. Знаешь, говорят, у них там свои тараканы в голове, как у Сальвадора Дали”, – Кенан нахмурился, постукивая пальцами по столу. “Есть один вариант, но он мне не нравится. Сразу скажу – совсем не нравится”.

“Какой?” Аврора внимательно посмотрела на Кенана, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

“Есть один коллекционер, точнее, скупщик антиквариата по имени Рубен. Говорят, у него связи... с ребятами, которые не всегда платят налоги и уважают закон. Он платит быстро и много, как будто у него свой печатный станок. Откуда у него деньги и как он их зарабатывает – лучше не знать. Знаешь, ходят слухи, что он не брезгует и контрабандой, и уклонением от уплаты налогов. В общем, парень с тёмным прошлым и мутными схемами.”

Аврора задумалась. Она понимала, что это рискованный шаг, но время поджимало, как корсет королевы Марии I. Ей хотелось как можно скорее начать строительство и увидеть, как её мечта воплощается в реальность, словно феникс из пепла.

“Давай хотя бы узнаем, что он предложит,” – сказала она, решительно посмотрев в глаза Кенану. “В конце концов, мы же не обязаны соглашаться”.

Кенан вздохнул, словно прощаясь с последними остатками здравого смысла. “Хорошо. Но я буду рядом, как телохранитель у поп-звезды. И никаких сделок без моего ведома. Помни: я – твой щит и твой меч. И, в крайнем случае, я знаю

пару приёмов самообороны, которым меня научил мой дед в Стамбуле.”

Встреча была назначена в старом портовом районе Лисабона – Алфаме. Ветер с реки Тежу пронизывал до костей, словно иголки опытного татуировщика, а обшарпанные здания и узкие улочки создавали гнетущую атмосферу, как в фильме нуар.

Рубен, скупщик, которого за глаза называли “Кровоопийцей” (поговаривали, из-за его аппетитов к чужому добру), встретил их в полумраке заброшенного склада, где раньше, вероятно, хранили сардины. Это был крупный мужчина, скорее похожий на вышибалу из ночного клуба, чем на ценителя искусства. Тяжёлый взгляд исподлобья и татуировки на руках, изображавшие то ли змей, то ли драконов, совсем не располагали к доверию. Его лицо казалось высеченным из камня, без единой эмоции, как у статуи на кладбище.

Рубен молча взял шкатулку с украшениями, достал лупу (гораздо более скромную и пыльную, чем у Ахмеда) и внимательно изучил каждое изделие. В его действиях чувствовалась не страсть коллекционера, а холодный расчёт оценщика.

“Ар-деко, филигрань... Хорошие вещи. Антиквариат. Я дам вам за все...” Он назвал сумму, которая была значительно выше, чем предлагали другие коллекционеры. Почти неприлично высокой.

Аврора и Кенан переглянулись. Сумма была заманчивой,

словно дьявольское искушение, но атмосфера сделки пугала, как встреча с призраком ночью на кладбище Жеронимуш.

“Откуда такие деньги, если не секрет?” – прямо спросила Аврора, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Рубен усмехнулся, обнажив крупные, слегка пожелтевшие зубы. “Это не ваше дело, сеньора. Вам нужны деньги? Я готов их заплатить. Быстро и без лишних вопросов. Бизнес есть бизнес, понимаете?”

Кенан нахмурился, сжимая кулаки. “Мы хотим знать, что эти украшения не будут использованы в преступных целях. Что они не будут переплавлены в слитки для финансирования какой-нибудь грязной сделки”.

Рубен пожал плечами, словно отмахиваясь от назойливой мухи. “Я коллекционер, а не преступник, хотя, признаюсь, иногда приходится иметь дело с... разными людьми. Я просто люблю красивые вещи. И готов за них платить.”

Аврора чувствовала, что за этими словами скрывается ложь. Она колебалась, словно на краю пропасти. Рисковать и получить деньги сейчас, закрыв глаза на все подозрения, или продолжить поиски более надёжного покупателя, рискуя потерять время и возможность начать строительство?

Вдруг, словно молния в ночи, она заметила на пальце Рубена кольцо. Старинное, массивное, с крупным рубином в центре, ограненным в форме капли. Кольцо показалось ей смутно знакомым, как мелодия старой песни. Она присмотрелась внимательнее и похолодела, словно в неё вдохнули

лёд. Это было кольцо её бабушки, которое пропало много лет назад, вместе с другими семейными драгоценностями.

“Откуда у вас это кольцо?” – дрожащим голосом спросила Аврора, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Рубен на мгновение растерялся, словно его поймали с поличным, но быстро взял себя в руки, словно опытный карточный шулер. “Я купил его на аукционе несколько лет назад. Что с того? Красивая безделушка, не правда ли?”

“Это кольцо моей бабушки! Его украли! Вместе с другими семейными драгоценностями!”

Рубен усмехнулся, поправляя кольцо на пальце. “Докажите, сеньора. Слова к делу не пришьёшь. Где у вас свидетели? Где документы? Нет ничего. Так что, нечего тут сказки рассказывать”.

Аврора не знала, что делать. У неё не было никаких доказательств, кроме чувства узнавания, которое жгло её изнутри, словно клеймо. Но она была уверена, что это её кольцо. Она чувствовала это каждой клеткой своего тела.

“Мы не будем заключать сделку,” – решительно сказала Аврора, глядя Рубену прямо в глаза. “Вы вор! И я уверена, что у вас украли не только кольцо моей бабушки”.

Рубен помрачнел, словно небо перед грозой. “Вы пожалеете об этом, сеньора. Очень пожалеете.”

Кенан, почувствовав опасность, взял Аврору за руку и потащил её к выходу. Они бежали по узким улочкам Алфамы, словно их преследовал сам дьявол, чувствуя на себе тяжёлый

взгляд Рубена, прожигающий спину.

“Что теперь?” – спросила Аврора, задыхаясь от бега, когда они выскочили на набережную.

“Теперь мы ввязались в серьёзные неприятности, как Дон Кихот в битву с ветряными мельницами,” – ответил Кенан, переводя дыхание. “Но я не позволю этому вору нажиться на твоей семье. И мы вернём кольцо твоей бабушки, чего бы это ни стоило. Обещаю.

Аврора прислонилась спиной к облезлой каменной кладке старинного здания, глубоко вдыхая терпкий, солоноватый воздух набережной. Сердце, словно загнанная птица, металось в груди, готовое вырваться на свободу. Страх, липкий и холодный, леденил тело, но вперемешку с ним кипела ярость – ярость против Рубена, мерзкого стервятника, покусившимся на святое; против самой системы, что позволяла таким, как он, безнаказанно наживаться на чужом горе; против собственной беспомощности, что заставляла зубы скрежетать от бессилия.

Кенан, словно опытный укротитель, нежно обнял её за плечи, стараясь унять бурю эмоций. Он всегда был рядом, как надёжный якорь в шторм. «Все будет хорошо, моя Аврора. Мы справимся. Главное – дыши глубже и давай подумаем, как выпутаться из этой передраги».

«Что делать? У нас нет ни единого доказательства! Он просто презрительно отмахнётся, как от назойливой мошкары. А если у него действительно крыша в виде мафии, то нас

ждёт ад». Аврора провела рукой по шраму на руке – напоминанию о другом, куда более давнем, адском опыте.

«Спокойно, Аврора. Я обещаю, мы вернём кольцо. Это – память о твоей бабушке, и мы сделаем все, чтобы вернуть её». Он видел, как важна для неё эта реликвия, как горели её глаза, когда она рассказывала о бабушке, о её заботе и любви. Кенан знал, что ради Авроры он готов на многое.

И тут, словно яркая вспышка молнии в тёмном небе, пронзила её сознание. «У меня остались старые фотографии! Бабушка носила это кольцо. Они хранятся в старом доме в Порту».

«Тогда собираемся и едем в Порту, Аморе. Чем быстрее, тем лучше. Этому... Кровопийце не стоит позволять упиваться своей безнаказанностью». Кенан, как всегда, был решителен. В его глазах плескалось пламя, готовое спалить любого, кто посмеет причинить боль его любимой.

Они поймали такси, направляясь к вокзалу Санта-Аполония. Три часа в пути до Порту – три часа, за которые Аврора погрузилась в свои мысли, словно в бездонный колодец. Она вспоминала свою бабушку, милую сердцу женщину с невероятно добрыми, ласковыми глазами и голосом, звучавшим, словно нежная мелодия. Бабушка умела рассказывать истории, погружая внучку в мир сказок и тайн. Аврора вспомнила её рассказы о фамильных драгоценностях, которые бережно передавались из поколения в поколение, словно частички души. Кольцо с рубином – самое драгоценное из них

– было для неё символом семейной истории, символом любви и преданности.

«О чем ты так задумалась?» Кенан, заметив её погруженный в себя вид, ласково погладил её по руке.

«О бабушке. Она так дорожила этим кольцом. Оно было не просто украшением, это была часть её жизни, память о предках, о семье. Я просто обязана вернуть его, Кенан. Я должна это сделать ради неё, ради её памяти». Слезы выступили на глазах Авроры. Кенан прижал её к себе, стараясь утешить. Он знал, что для неё это не просто украшение, это – часть её души.

В Порту их встретил резкий, прохладный ветер с Дору, пропитанный влажным запахом портвейна – визитной карточки этого старинного города. Этот запах, одновременно пьянящий и терпкий, смешивался с запахом рыбы и соли, доносившимся с набережной Рибейра, создавая неповторимый аромат Порту. Аврора поёжилась. Ветер пронизывал насквозь, несмотря на тёплую куртку, напоминая ей о холоде, который всегда царил в её детстве.

Они сели в старенькое “Мерседес” такси, пропахшее сигаретами и дешёвым одеколоном. Водитель, угрюмый мужчина с густыми седыми усами, молча кивнул в ответ на адрес и резко тронулся с места. Такси пронеслось по мосту Дона Луиша I, шедевру инженерной мысли, соединяющему Порту с Вила-Нова-ди-Гая, где располагались знаменитые погреба портвейна. Аврора машинально взглянула вверх, на вели-

чественные арки моста, и вспомнила, как маленькой девочкой она боялась высоты и всегда закрывала глаза, когда они проезжали по мосту на автобусе.

Город менялся за окном. От блестящих витрин современных магазинов они въехали в узкие, извилистые улочки старого города, вымощенные булыжником. Дома здесь были обшарпанными и обветшалыми, с облупившейся краской и покосившимися балконами. На бельевых верёвках, натянутых между домами, сушилось пёстрое бельё, создавая ощущение хаоса и беспорядка. Но в этом хаосе чувствовалась какая-то особая, неповторимая жизнь.

“Здесь почти ничего не изменилось,” – прошептала Аврора, глядя на знакомые улицы.

“А ты помнишь этот район?” – спросил Кенан.

“Помню,” – ответила Аврора, – “Каждый камень помню.”

Наконец, такси остановилось у старого, обветшалого дома, с покосившимися окнами и облупившейся штукатуркой. Вокруг дома царил тишина, нарушаемая лишь криками чак-ек, доносившимися с реки. Это был тот самый дом, где Аврора провела свои детские годы. Дом, который она пыталась забыть.

Дом встретил их пустыми, выбитыми глазницами окон и облезлой краской, словно изголодавшийся призрак из прошлого. Краска на стенах облупилась, словно кожа старика, обнажая под собой слои старых обоев с узорами, которые давно выцвели. Сам дом, казалось, дышал на ладан и пре-

лой листвой – запахи, которые Аврора помнила с детства. Запах заброшенности. Аврора, достав ключ, долго копошилась, вспоминая, где его прятали. Под каким именно камнем? Все камни у крыльца казались одинаково серыми и шершавыми. Она помнила, как в детстве ей казалось, что этот ключ – пропуск в другой мир, в мир приключений и фантазий. Сейчас же он казался лишь тяжёлым грузом, напоминающим о прошлом.

Наконец, её пальцы нащупали знакомый выступ. Вот он. Щелк... Дверь со скрипом поддалась, пропуская их внутрь. Скрип был настолько громким, что эхом разнёсся по всему дому, словно приветствие от старого друга (или врага?). Спёртый воздух ударил в нос запахом сырости, пыли, плесени и многолетней тоски. Этот запах, вьёвшийся в стены и мебель, казался осязаемым, словно тяжёлое одеяло, брошенное на плечи. Аврора почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

Внутри царил полумрак. Лучи солнца едва проникали сквозь грязные стекла, создавая причудливые тени на стенах. Аврора включила фонарик на телефоне, рассеивая тьму в комнатах. Луч света выхватил из темноты обшарпанную мебель, покрытую толстым слоем пыли, старые фотографии в выцветших рамках, и сломанные игрушки, валявшиеся в углу. Все здесь было покрыто печатью времени, словно законсервировано в прошлом.

«Здесь все осталось... как будто время остановилось», –

прошептала она, голос её дрогнул. Комната за комнатой, она узнавала каждый уголок этого дома. Потёртый диван в гостиной, где они с матерью смотрели старые фильмы по телевизору. Кухню с облупившейся плиткой, где они готовили простые, но вкусные блюда. Спальню, где она засыпала под тихий мамин голос, рассказывающий сказки. Как будто она лишь вчера покинула этот дом, а не много лет назад, убегая от прошлого. И это прошлое, казалось, ждало её здесь, готовое наброситься и поглотить её целиком.

Они прошли в гостиную. Старая, запылённая мебель, словно забытая в забытой комнате, была плотно укрыта саваном пыли. Казалось, если кто-то чихнёт, пыль поднимется в воздух и задушит их обоих. Интересно, здесь вообще кто-то убирался после моей “эвакуации”? – подумала Аврора с иронией. Кенан брезгливо сморщился и вытащил из кармана платок, чтобы прикрыть нос.

На стенах, словно призраки, висели выцветшие фотографии. В основном это были портреты родственников, которых Аврора едва помнила, или не помнила вовсе. Строгие лица, смотрящие в камеру с неммым укором. Кажется, у меня очень “весёлая” семейка, – подумала Аврора, разглядывая очередного дядю с суровым взглядом.

Аврора начала методично осматривать фотографии, надеясь найти заветное изображение бабушки с кольцом. Это было единственное, что связывало её с прошлым, единственная ниточка, за которую она могла зацепиться. Она перебирала

фотографии одну за другой, словно перелистывала страницы старого, забытого альбома. Вот её мать, молодая и красивая, с наивной улыбкой на лице. Интересно, о чем она мечтала тогда? Знала ли она, что её ждёт впереди? Вот она сама, маленькая девочка, с большими грустными глазами, смотрящая на мир с недоверием и страхом. Интересно, когда я научилась улыбаться?

Вдруг Кенан чихнул, нарушив тишину. “Прости,” – сказал он, вытирая глаза платком. “У меня аллергия на пыль. Может, нам стоит надеть маски?”

Аврора усмехнулась. “Боюсь, маски здесь не помогут,” – сказала она. “Здесь нужна команда дезинсекторов.”

Кенан вздохнул. “Ладно, давай закончим с фотографиями и поедem в отель. Мне кажется, я уже начинаю задыхаться.”

Она пересмотрела десятки фотографий, но – увы! – нигде не было того самого снимка, что должен был доказать её правоту. Отчаяние, словно ядовитый плющ, начало оплетать её душу. Она уже чувствовала, как корни этого плюща впииваются в самое сердце, лишая её воли к борьбе. Прекрасно. Похоже, моё генеалогическое древо решило сыграть со мной в прятки.

«Может, фотографии в другой комнате? Не сдавайся, amore! Мы обязательно найдём их!» Кенан попытался подбодрить её, но в его голосе тоже звучала усталость. Видимо, его аллергия на пыль давала о себе знать.

Они обыскали весь дом, заглянув в каждый угол, в каж-

дую щель. Казалось, что фотографии специально от них прячутся, играя в какую-то злую игру. Аврора, потеряв всякую надежду, села на старый диван, закрыв лицо руками. Надо же, диван пережил три поколения тараканов и две мировые войны, а все еще здесь... Прямо как мои проблемы.

«Я не знаю, что делать... Кажется, я безнадежно все потеряла». Её голос звучал глухо и отчаянно.

Кенан присел рядом с ней, бережно обняв, стараясь согреть своим теплом. Он чувствовал её отчаяние, её боль. «Не смей так говорить. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Может, ты просто забыла, куда их положила? Не расстраивайся, Аврора, сейчас все будет хорошо. Давай, сосредоточься, вспомни все, что ты знаешь... Ты же у нас архитектор, а не кто-то там. Вспомни, где бабушка хранила свои сокровища! Неужели в швейцарском банке?» Он попытался пошутить, чтобы разрядить обстановку.

И вдруг, словно молния, пронзившая темноту, её осенило. «Подожди! Бабушка всегда хранила свои самые ценные вещи в старом сундуке, в кладовке. Там должны быть фотографии! Точно!»

Они нашли сундук в кладовке. Тяжёлый, запылённый, он словно веками ждал своего часа. Кажется, даже пауки боялись к нему приближаться. Кенан, кряхтя, помог Авроре открыть его.

Внутри сундука лежали старые письма, изжелтевшие документы, кружевные салфетки, пахнувшие нафталином,

украшения и стопки фотографий, как будто сама история хранила свои сокровища. Аврора начала перебирать их, словно археолог, надеясь откопать что-то важное. Интересно, сколько пыли нужно вдохнуть, чтобы найти правду?

И вдруг, в один из самых неожиданных моментов, её взгляд упал на старый альбом с фотографиями в кожаном переплёте. Сердце забилося, словно пойманная птица, в предвкушении. Она открыла альбом, листая его страницы, стараясь не дышать, чтобы не рассыпать хрупкие воспоминания.

И вот она! На одной из старых, пожелтевших фотографий была её бабушка, одетая в красивое платье, изящно улыбающаяся в камеру. А на её пальце – то самое кольцо с рубином, которое они искали! Аврора достала фотографию, поднеся её к свету, словно молясь на святыню. Ну наконец-то! Хоть кто-то в этой семье решил мне помочь!

«Вот оно! Доказательство! Теперь мы сможем доказать, что это кольцо принадлежит моей бабушке!» Она ликовала, словно ребёнок, нашедший долгожданную игрушку.

Кенан, сияющий от радости, обнял её и поцеловал. «Я знал, что ты справишься, моя дорогая! Ты – самая лучшая женщина на свете! И самая упрямая».

Но их триумф был недолгим. Внезапно, словно предвестник беды, раздался звук разбивающегося стекла. Что за чертовщина? Кто-то был в доме...

Глава 8 Дрожащий трамвай

Аврора и Кенан замерли в объятиях друг друга, словно два потревоженных оленя в лесу. Или, скорее, два испуганных кота, которых застали врасплох. Они оба слышали это: едва различимый скрип, донёсшийся откуда-то из глубины старого дома. Словно кто-то осторожно наступал на скрипучую половицу, скрываясь во мраке.

В доме, который, по мнению Авроры, должен был быть её убежищем от кошмаров прошлого, теперь поселилась новая тревога. Это была зловещая тишина, густая и липкая, как португальский мёд “Мел де Браганса”, который они пробовали на ярмарке на прошлой неделе. Этот мёд, тягучий, золотистый, с тонким ароматом вереска, теперь казался символом чего-то липкого и опасного. Тишина, в которой слышалось лишь тиканье дедушкиных часов в холле, отсчитывающих последние секунды их спокойствия, и назойливое потрескивание старых половиц, словно дом жаловался на тяжесть времени, на то, что его потревожили.

Кенан осторожно обнял Аврору крепче. Он чувствовал её дрожь. “Все в порядке, – прошептал он, – просто, наверное, ветер.” Но ветер, конечно, здесь был ни при чем.

“Кто здесь?” – прошептала Аврора, её голос дрожал, как лиссабонский трамвай №28 на крутом подъёме в Алфаме. Этот трамвайчик, преодолевая крутые склоны, всегда казал-

ся ей символом отваги и упорства, но сейчас она чувствовала себя такой же хрупкой и беззащитной. Страх, знакомый ей с детства, снова поднял голову, как змея из корзины. И это был не просто страх, это был холодный, липкий ужас, парализующий волю и заставляющий сердце биться в бешеном ритме. Она вспомнила все страшные истории, которые ей рассказывали в детстве, все призраки и монстры, обитающие в старых домах. И ей показалось, что они здесь, рядом, в темноте.

Кенан медленно отодвинул Аврору за спину и посмотрел в сторону звука. Он знал, что не стоит недооценивать опасность. “Оставайся здесь”, – сказал он тихим, но твёрдым голосом. Он наклонился, взял со стола тяжёлую вазу с цветами и, готовый к бою, осторожно направился в сторону холла. Аврора, боясь пошевелиться, ждала, прижавшись к стене, пытаясь перевести дыхание. В её голове роились самые страшные мысли. Что это? Грабители? Призрак? А может, снова он...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.